

Хабаровское отделение
Российского фонда культуры

Словесница искусств

Октябрь 1998

№1 (1)

Словесница искусств

1 (1) 1998

Вестник Хабаровского отделения Российского фонда культуры

Главный редактор	В. В. БЕЛОБОРОДОВ
Редактор	Е. В. ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	В. П. ТРОФИМОВ
Художественное оформление и макет	Г. И. ПЕРШИНА
Корректур	Т. Ю. ЛЮБЧИК
Набор	В. С. КОЛЯГИНА

Общественный совет	Н. С. АКИШКИН
	Н. В. АНГАРСКАЯ
	М. Ф. АСЛАМОВ
	А. Н. БОЧАРНИКОВ
	А. С. БРЕЙТМАН
	Л. Ф. ВАСИЛЬЕВА
	Л. Г. КОЗЛОВА
	Л. В. САЛЕЕВА
С. Ю. ЧЕРЕПАНОВА	
А. В. ШАВГАРОВА	

"Словесница искусств", 1998
Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17.
Тел. 32-73-85.
E-mail: vvb@fk.khv.ru
Http://www/khv.ru/Art
Тираж 999 экз. Подписано к печати

Хабаровское отделение Российского фонда культуры благодарит администрацию Хабаровского края за поддержку настоящего издания.

На обложке:

Художник А. Черкасов. Картина из серии "Городские пейзажи".
(О художнике читайте на 3-й стр. обложки).

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ Хабаровское отделение

Хабаровское отделение Российского фонда культуры является некоммерческой организацией, которая была основана в 1987 году. Основная цель фонда — поддерживать интересные инициативы в сфере культуры и искусства; развивать стремление детей смотреть на мир с точки зрения музыки, живописи, национального искусства. Он заботится о тех, кто посвятил свою жизнь сохранению духовных ценностей, кто в возрасте и одинок сегодня.

Деятельность Хабаровского фонда культуры основана на программах, определённых Советом фонда:

"Наше наследие" (1992 год создания) объединяет ветеранов культуры и искусства, вовлекает их в активную творческую и общественную жизнь, содействует передаче их опыта молодёжи.

"Наследники" направлена на поиск и выявление талантливых детей и подростков, оказание материальной и организационной поддержки, предоставление условий для творческого развития личности ребёнка.

"Содружество культур" (1992 г.) укрепляет и развивает международные творческие связи, ведёт пропаганду русской культуры за рубежом, способствует привлечению зарубежных партнёров к деятельности и финансированию благотворительных программ фонда, обмену выставками, коллективами, постановочными группами, проведению ярмарок, аукционов в России и за рубежом.

"Муза" (1988 г.) объединяет художников, поэтов, музыкантов, актёров (как профессиональных, так и самодеятельных). Служит для знакомства с новыми именами, для проведения фестивалей, выставок, постановок спектаклей, творческих встреч, для оказания помощи творческой интеллигенции. В выставочном зале "Арт-подвальчик" постоянно действуют персональные и групповые выставки художников.

"Память" (1988 г.) способствует восстановлению исторических и культурных памятников, памятных дат российской истории и культуры, увековечению памяти деятелей культуры Дальнего Востока.

"Национальная культура" (1988 г.) оказывает помощь в возрождении культуры народов Приамурья, работе с мастерами декоративно-прикладного искусства, национальными школами и одарёнными детьми. Особое внимание оказывает жителям сел.

"Детство" (1988 г.) разрабатывает нетрадиционные методы и системы обучения детей в сфере искусства и культуры. Оказывает практическую помощь художественным школам. Способствует созданию детских творческих центров.

"Культура и религия" (1990 г.) — программа взаимодействия с религиозными конфессиями, действующими на территории России и Хабаровского края, тесного сотрудничества с Русской православной церковью — исконно русским духовным, культурным и нравственным стержнем нации.

"Театр-галерея" (1995 г.) — постановка силами творческой интеллигенции спектаклей и концертов, развивающих классическое наследие и народное творчество.

Творческий центр "Тайны ремесла" (1992 г.) является структурным подразделением фонда без права юридического лица и служит для реализации проектов и программ фонда. Поддерживает его жизнедеятельность, а также развитие материальной и хозяйственной базы фонда. Творческий центр предоставляет средства для материальной поддержки художников и народных мастеров, служит местом проведения выставок, встреч, концертов и спектаклей, литературных и музыкальных вечеров. Даёт средства на финансирование уставной деятельности фонда и благотворительных программ.

CULTURE FUND OF RUSSIA Khabarovsk Department

Khabarovsk Department of the Russian Culture Fund is a non-profit organisation, which was founded in 1987. The main purport of the Fund is to support the interesting initiatives in the sphere of culture and to fulfil them; to develop the aspiration of the children to see the world from the point of view of music, painting, national art. It also takes care of those who devoted their lives to the keeping of spiritual values and who are alone and old today. (The slogan of the Khabarovsk Culture Fund is "To keep, to search, to make snore and more". It means all values of culture in the past, in the present and in the future).

The activity of Khabarovsk Culture Fund is based on the program's, determined by the Council of the Fund. Among them are: "Charity", "Childhood", "Memory", "Cooperation of Cultures", "The revival of National Culture".

Дорогие друзья!

В канун 60-летия Хабаровского края поздравляю всех читателей "Словесницы искусств", ветеранов и работников учреждений культуры и искусства с юбилеем родного края.

Этот номер журнала посвящён только небольшой части истории края — культуре, её людям, которые внесли большой вклад в развитие духовного богатства Приамурья.

Наш край богат талантливыми людьми, которые и в настоящее время радуют нас своим творчеством в области театрального, музыкального искусства, прикладного и художественного творчества, музейного и библиотечного дела.

Желаю всем новых творческих успехов в работе на благо дальнейшего социально-экономического и культурного развития Хабаровского края. Счастья и благополучия, оптимизма и веры читателям журнала "Словесница искусств".

*СТРЕЛКОВА И. И.,
заместитель главы администрации Хабаровского края,
председатель организационного комитета по подготовке
и проведению 60-летия со дня образования края.*

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках первый номер журнала "Словесница искусств".

Задумывая это издание, мы хотели показать культурную жизнь Хабаровского края и его столицы во всем многообразии. Ведь наш край удивительно богат творческими личностями. О судьбах и творчестве литераторов, актеров, художников и музыкантов должна узнать широкая общественность. Да, время трудное, но именно сейчас необходима поддержка талантов, особенно молодых. Это наше будущее, наша надежда. У Хабаровского края богатая история, а часть этой истории — люди, посвятившие свою жизнь искусству и культуре. На страницах журнала "Словесница искусств" оживет прошлое, мы вспомним имена тех, кто любил наш прекрасный Дальний Восток и воспевал его в стихах, книгах, полотнах.

Журнал издается под эгидой Хабаровского отделения Российского фонда культуры. В прошлом году фонду исполнилось десять лет. Свою деятельность мы стараемся направлять на сохранение и приумножение культурных ценностей Дальней России и потому рассчитываем на ваше активное участие как в благотворительных акциях фонда, так и в формировании последующих номеров журнала. Мы хотим, чтобы "Словесница искусств" стала тем изданием, где бы публиковались статьи и рецензии искусствоведов, музыковедов, театральных критиков. Уверена, что у нас легкая рука, и потому рассказы о тех, кто делает в искусстве только первые шаги, поможет им в дальнейшем. Люди устали от проблем, от бесконечной борьбы с трудностями. Меняется правительство, обесцениваются деньги. Но несмотря ни на что остается то, что не измерить материальными мерками — мир прекрасного. Мы мечтаем, чтобы журнал "Словесница искусств" стал для вас, дорогие читатели, островком света и чистоты, дарил надежду и радость.

Пишите, звоните, приходите к нам!

*С. Ю. ЧЕРЕПАНОВА,
председатель правления Хабаровского отделения
Российского фонда культуры.*

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ
Николай Николаевич
(1809 — 1881)

В 1847 — 1881 гг. Енисейский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири. Руководил исследованиями на Дальнем Востоке, проводил активную деятельность по освоению и заселению края. В 1858 г. подписал Айгунский договор с Дайцинским государством. Скончался в Париже.

КОРФ
Андрей Николаевич
(1831 — 1893)

Барон. Первый генерал-губернатор Приморского края, командующий военным округом. Назначен генерал-губернатором в 1883 г. При нем было организовано бесплатное переселение крестьян из европейских губерний России морским путем через Одессу, началось строительство Уссурийской железной дороги, благоустройство Хабаровска. Умер в Хабаровске.

ДУХОВСКОЙ
Сергей Михайлович
(1838 — 1901)

Генерал-лейтенант. Назначен Приморским генерал-губернатором в 1893 г. В крае проводил политику по созданию "могучего оплота" России на Дальнем Востоке. Способствовал исследованию ресурсов края, развитию местной промышленности, торговли, улучшению путей сообщения. При нем усилился приток переселенцев на Амур. Начали выходить первые газеты, создавались учебные учреждения, библиотеки, музеи. В 1898 г. назначен Туркестанским генерал-губернатором.

ГРОДЕКОВ
Николай Иванович
(1843 — 1913)

Генерал-лейтенант, командующий войсками, наказной атаман Приморского казачьего войска. Работал помощником С. М. Духовского и в 1898 г. назначен генерал-губернатором. Руководил Приморским отделением Русского географического общества, поддерживал экспедиции В. К. Арсеньева. Был создателем Хабаровского краеведческого музея, которому завещал свои коллекции, личные ценности и ценные бумаги. С 1902 г. — член Государственного Совета в Петербурге.

ПРИАМУРСКОГО КРАЯ

СУБОТИЧ
Диан Иванович
(1851 — 1912)

Приамурский генерал-губернатор с марта по сентябрь 1903 г.

ХРЕЩАТИЦКИЙ
Ростислав Александрович
(1841 — 1906)

Генерал от кавалерии, Войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск. Назначен генерал-губернатором в 1904 г. Проводил работу по мобилизации и обеспечению войск в период русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Умер в Хабаровске.

УНТЕРБЕРГЕР
Павел Федорович
(1842 — 1921)

Военный инженер, генерал-майор. В 1906 — 1911 гг. генерал-губернатор Приамурского края. Организовывал исследования в области статистики и географии. Автор ряда научных трудов. После революции эмигрировал.

ГОНДАТТИ
Николай Львович
(1861 — 1945)

Последний генерал-губернатор Приамурского края. Этнограф, антрополог. Назначен на должность генерал-губернатора в 1911 г. Проводил политику укрепления могущества России на Дальнем Востоке. В отношении аборигенов края не допускал вмешательства в их самобытную жизнь, запрещал торговлю алкоголем в национальных селениях. После революции эмигрировал в Харбин.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Свою судьбу мы не выбираем. Она ведет по жизни, дает уроки, посылает испытания. И тот, кто чист душой, не сетует, не жалуется. Он с благодарностью воспринимает все это как великий дар.

Василий Евтропович Романов пережил многое. Скупые строки его биографии говорят о том, что он воспитывался в Аджарском детском доме в Батуми. В 1932 году он студент Ленинградского государственного художественного техникума. Спустя четыре года — студент Всероссийской академии художеств. Страшное время ленинградской блокады, о которой так много написано, Василий Романов испытал на себе. Он прошел через это испытание и не сломался. С 1944 года работает в разных театрах, а через два года приезжает на Дальний Восток — в Благовещенск.

Встреча с Хабаровском состоялась в сорок седьмом. Пять лет Романов работал главным художником краевого театра драмы.

Его эскизы к балету "Спящая красавица" Чайковского участвовали во Всесоюзном конкурсе в Москве, который был посвящен 125-летию Большого театра. Сейчас эскизы хранятся в Дальневосточном художественном музее.

Нынешний год особенный для художника Романова. У него двойной юбилей: 85-летие со дня рождения и 50-летие со времени написания картины "Айгунский договор". Об истории её создания Василий Евтропович написал замечательную книгу. Это исповедь художника, человека, патриота. Он приоткрыл дверь в свою мастерскую и оттуда хлынул поток чистого света.

В июле 1998 г. художнику В. Е. Романову за заслуги перед государством, большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничество между народами, многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства присвоено почётное звание "Заслуженный художник Российской Федерации".

Василий РОМАНОВ, художник

Амурский граф Муравьев — колоритная фигура, отмеченная яркими и полезными делами на Дальнем Востоке, давно заслуживала того, чтобы посвятить ей сюжет картины. В памяти прошло немало ярких личностей, но самой волнующей осталась фигура Муравьева-Амурского. За его полезные дела Россия многим обязана ему. Это определило выбор сюжета, пришло окончательное решение создать картину о Муравьеве и его сподвижниках, назвать картину "Айгунский договор" — венец всех его дел на восточной окраине империи.

Историки Иван Платонович Барсуков и Михаил Иванович Венюков, современники Муравьева, оставили нам

сведения о том, как, где и когда проходили переговоры между государствами-соседами Российским и Дайцинским. Нам известны главные участники того исторического акта — подписания Айгунского трактата об окончательной границе между двумя великими державами в городке Айгуне в 12 часов 16 мая 1858 года.

От Российской Империи присутствовали:

Николай Николаевич Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири;

Архиепископ Иннокентий (Вениамин), митрополит Московский и Коломенский;

Е. Г. Бютцев, управляющий дипломатической канцелярией, титулярный советник;

П. Н. Перовский, статский советник Министерства иностранных дел;

В. Д. Карпов, управляющий путевой канцелярией губернии;

К. Ф. Будагосский, подполковник генерального штаба;

В. Е. Языков, подполковник;

Я. П. Шишмарев, губернский секретарь дипломатической канцелярии, переводчик;

Отец Алексей (Седых), священник и другие.

От Дайцинского государства:

Князь И Шань, Амурский главнокомандующий;

Дзараминга, полковник дивизионного начальника;

Айгунский амбань Джараминга и другие.

На холсте предстояло создать пространство интерьера, отвечающего месту действия. Необходимо было вписать в интерьер две группы чиновников разных государств, найти между ними деловую логическую связь, выразить их внешний облик, “наружные” приметы.

В процессе поисков композиции картины, ее первоначальной графической схемы я разрабатывал начальные мизансцены — размещал участников действия в пространстве холста. Наступил момент, когда в композиции картины потребовалось окончательно определить места главным и второстепенным действующим лицам, представляющим два государства — Российское и Дайцинское, не нарушая законов субординации и этикета этих стран, разных по характеру культур.

Между тем жизнь в тогдашнем Китае подчинялась определенным и весьма строгим правилам, определенным Конфуцием еще в VI веке. Необходимость требовала обратиться к его трудам, понять их сущность и извлечь из них нужные сведения об образе жизни.

Жизнь сынов Поднебесной, как высших людей, так и низших людишек, не-

укоснительно подчинялась общим законам “Ли-Пу” Конфуция. Горе тому, кто нарушал их. Нарушителя ждали тяжкие наказания от ударов бамбуковыми палками до ношения тяжелых деревянных брусьев на шее с позорной надписью или еще более суровые. Эти законы оставались государственной доктриной Китая с VI века вплоть до Синхайской революции 1911 — 1913 годов.

В так называемых “Драконовых законах” Конфуция предусматривалось все до мелочей. Например, строго распределялись по классам не только мундиры, но и одежда частных лиц. Она должна была быть непременно определенного цвета и покроя, иметь определенное количество пуговиц и украшений. Желтый (золотой) цвет составлял исключительную принадлежность Императорского дома и наиболее высокопоставленных сановников. Высшие чиновники, а также лица знатного происхождения носили на шляпах красные, белые и синие шарики, а на груди и спине — четы-

рехугольные щиты, богато расшитые шелком и золотом. Первому, высшему классу чиновников присваивались щиты с изображением аистов. Лицам дворянского сословия — щиты с драконами о четырех когтях на лапах. Пятый коготь прибавлялся только за особые заслуги.

Итак, решено: в картине слева размещая русскую группу во главе с Н. Н. Муравьевым, так как у европейцев отсчет и чтение следуют слева направо.

Дайцинскую же группу вельмож во главе с князем И Шанем, согласно цинским традициям, полагается расположить справа налево.

Муравьев и И Шань — центральные персонажи картины. Их посажу одного перед другим за столом, покрытым картой местности, пересеченной руслом реки Амур. Река — основной предмет дипломатического диалога в пограничном размежевании двух великих держав. Полагал, что главы сторон будут размещены в композиции будущей

“Айгунский договор”. Художник В. Е. Романов.

Холст, масло, 200х260 см. Создана в Благовещенске в 1946 — 1947 гг.

Картина — собственность Хабаровского краеведческого музея.

картины надлежащим образом, а их окружение — должностные чины разных ведомств — тоже займут места, соответствующие их сословию и рангам.

Если в окружении Муравьева не очень точно соблюдена субординация в ранжировке его спутников, да простят меня соотечественники, то в расположении дайцинских сановников и их внешнего убранства, по возможности, стремился придерживаться этикета "Ли-Пу".

Участники встречи в Айгуне были известны поименно, но нам неизвестно, как они выглядели. Первым был найден портрет Н. Н. Муравьева по публикациям в старых изданиях разных лет. Сложнее складывалось с другими участниками айгунской встречи.

Зная, что в Москве Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина располагала богатейшими материалами по истории России, я обратился в нее за содействием. Наконец, Москва ответила долгожданным конвертом: "...в ответ на Ваше письмо сообщаем: портреты П. Н. Перовского, Я. П. Шишмарева, Е. Г. Бютцева и других, несмотря на тщательные разыскания, нами не установлены".

Оставалось последнее средство добиться искомого — обратиться к литературным источникам русских историков и мемуаристов И. П. Барсукова и М. И. Венюкова. У них надеялся обнаружить хотя бы отправные точки для воссоздания облика причастных к событию на Дальнем Востоке айгунским переговорам.

Для русских персонажей основные типы в картину я присмотрел среди актеров Благовещенского театра, но пока еще не встретил натурщика для портрета Муравьева. Несколько этюдов и рисунков для портретов дайцинских сановников мне удалось списать с местных китайцев. При этом приходилось преодолевать некоторые сложности, устраняя упорное нежелание "натуры" позировать. Нарушая "непоколебимую" стойкость, срабатывал универсальный метод убеждения — деньги. Я всегда, при малейшей возможности, и не без удовольствия заходил на базар, особенно в выходные дни. Пока мне не везло, тем не менее толкучка оставалась постоянным якорем надежды в поисках типажа и предметов быта.

В комнате с одним окном, в домашней тесноте, работать над картиной размером 2 на 2,6 метра было неудобно. Но вот сообщили из школы — учеба окончена, можно занимать помещением спортзала.

Многофигурная картина, полностью

прорисованная в домашних условиях, теперь в просторном помещении. При рассмотрении холста с нужного расстояния стали видны погрешности. Пришло время приступать к уточнению рисунка и думать о его колористическом решении.

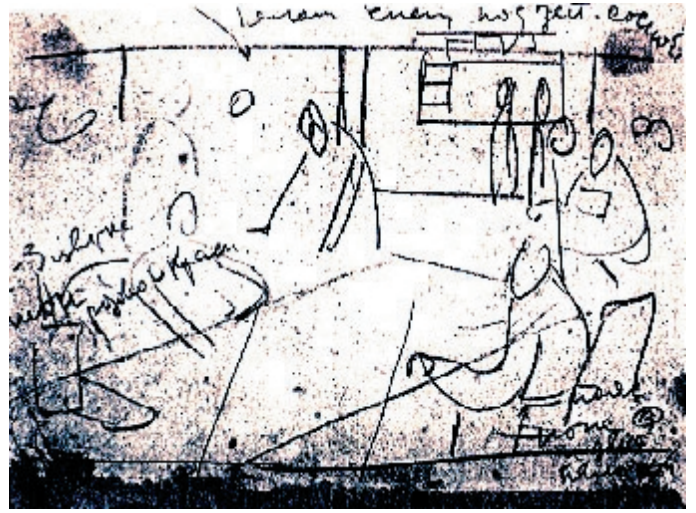
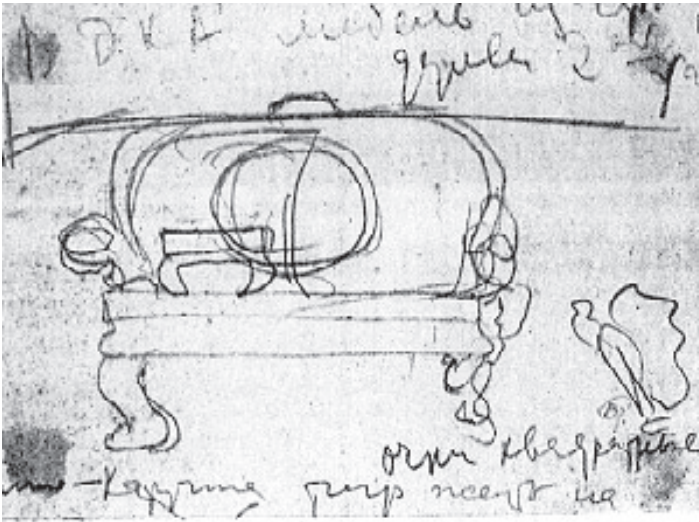
Я писал лицо переводчика Шишмарева. Как всегда незаметно, за моей спиной молча возникла школьная уборщица тетя Дуся. Потом сказала: "Что-то он сегодня у тебя какой-то квелый, не в себе, что ли?" И ушла, не дождавсь ответа.

Я и сам видел. Шишмарев действительно выглядел озабоченным. А почему бы такому не быть? Во время переговоров в городке Айгуне о российско-дайцинской границе на Амуре переводчик Шишмарев был единственным из европейцев переводчиком, в совершенстве владевшим китайским языком и хорошо понимавшим этикет по требованиям "Ли-Пу". К примеру, в диалоге не разрешалось излагать в открытой форме "да" или "нет". Требовалось выражать эти мысли в витиеватой форме. Естественно, что успех диалога полностью зависел от опыта и эрудиции переводчика. А русский переводчик Шишмарев работал один все шесть дней айгунских переговоров.

В картине переводчик Шишмарев стоит у стола рядом с Муравьевым, по его левую руку. В руках у него важный документ, подтверждающий смысл слов, сказанных генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым. Переводчик перевел их смысл князю И Шаню, слегка склонился в сторону Муравьева, а в легком повороте своей головы в сторону князя и в его взгляде немой вопрос: как воспринят его перевод? Если перевод верный и правильно понят представителем Дайцинской империи, то он, князь И Шань, должен поставить свой иероглиф на лежащем перед ним документе. Ради этого момента долгие дни велись переговоры о дальнейшей судьбе границы между двумя державами-соседями. Фигура переводчика Я. П. Шишмарева — осевая, ведущая, через которую воспринимается историческое действие, еще не получившее своего завершения. Но оно должно теперь совершиться, его все напряженно ждут. Поэтому работа над портретом и фигурой переводчика была более сложной и продолжительной, чем над другими персонажами картины. Я понимал серьезность ситуации — если образ переводчика не получится, то картина не состоится!

После работы над портретом переводчика, полностью опустошенный, из последних сил в сумерках возвращал-

ся домой. На крыльце дожидался парнишка. Сказал: "Завтра в семь утра едем рыбачить на Зею". Это ребята из театра еще раньше уговорили меня поехать на рыбалку. Погода выдалась хорошая, утром — скорые сборы, к полудню мы уже на месте. Здесь Зея делает поворот. Перебрались на другой берег, низкий, усталый галечником. Впервые увидел такие плотные завалы и нагромождения корневищ и древесины. Невероятное количество и разнообразие пней и коряг, обработанных галькой с водой и выжженных солнцем до цвета бело-голубого мрамора.

К пойме реки и ее берегам, заросшим густым тальником, сбегали пологие склоны, покрытые зарослями дубняка и березовых рощ. На сопках широколиственного леса пепельно-серые стволы южанина бархата, а кроны маньчжурского ореха раскинулись рядом с островерхой пихтой.

Друзья облюбовали место для рыбалки, споро разбили бивуак. Пока налаживали рыболовные снасти, подошло время вечернего клёва.

За освоением премудрости взаимодействия: рука — закидушка — рыба, стемнело. На моем кукане красовалась первая касатка размером с малую морковь. Все собрались у костра, началось священнодействие по сотворению уха.

Купол звездного неба. Шум речного потока. Живое пламя костра высвечивало людей, корневища, выброшенные рекой голые коряги. Пламя, многократно отраженное на фантастических силуэтах, превращало их в причудливо переплетенные фигуры и орнаменты.

В трепетном поединке пурпурно-алого света и аспидно-черных теней угадывались рождения множества самых неожиданных композиций с мгновенно меняющимися сюжетами, один причудливее другого: то дерзкий поединок

охотника в фантастическом снаряжении с неизвестным чудищем, то огненно-красный клубок сплетенных в смертельной схватке драконов, будто сошедших с древних китайских гравюр...

А костер разгорался, буйствовал и завораживал тайной мечущегося пламени. Языки пламени менялись в рисунке и яркости. В адской огненной пляске обозначились два мощных хвостатых всплеска духов из царства огня — белого и золотого в окружении множества язычков поменьше, мерцающих в хороводе с зелено-голубыми и оранжево-красными огоньками. То мощно пульсируя, то замирая, как бы демонстрируя свои достоинства, они порой отчетливо превращались в фигуры огненно-белой и золотой Саламандры, пришедшей из огненной сказки.

Может быть, здесь, в ярких сполохах огня, в его неожиданных формах, в калейдоскопах цветных мгновений, в фейерверках искрящегося пламени и таится та волнующая разгадка тайны цветовой композиции картины, которую мне надлежит открыть? Может быть, это как раз то искомое, от чего можно будет оттолкнуться в решении цветовой ком-

позиции всего полотна?

Предположим, если сделать цветными костюмы центральных персонажей графа Муравьева и князя И Шаня, и тем создать основной узел всей цветовой композиции картины. Первого одеть в белый парадный мундир, как символ мудрости, достоинства и чести, со всеми положенными ему по чину и заслугам перед Отечеством регалиями, а второго одеть в халат желтого цвета, символ могущества и благородства Сына Неба со всеми атрибутами, соответствующими его высокому происхождению, тестя богдыхана, и званию по требованиям "Ли-Пу". Затем окружить их многоцветием халатов дайцинских мандаринов и мундиров русских вельмож и сановников. Возможно, тогда получится богатая цветовая палитра на холсте — нужный колорит для картины, необходимая среда для торжественного и значительного исторического события.

Внезапно из ковша Большой медведицы выплеснулась звезда, потом другая. Перечеркнув небо, исчезла так мгновенно, что я не успел задумать заветное желание — успешно завершить картину к сентябрю этого года.

ЗВОН БУБЕНЦОВ ПОЧТОВОЙ ТРОЙКИ на заре уходящего века соединял нанайские сёла

Николай ВОЗНЮК

Я долго думал, написать об этом или не стоит? Есть много книг о жизни нанайского народа, но еще одно воспоминание не помешает, тем более, что каждый человек видит событие с какой-то одной стороны. Даже нынешние музеи не отображают достаточно полно жизнь амурских нанайцев.

Сегодня нанайский народ, или нанани, имеет своих ученых, поэтов, писателей, певцов с мировой известностью. Цивилизация, а главное, общение с русскими переселенцами сыграли свою положительную роль.

Впервые я попал в Найхин в 1927 году, а точнее, в Торгон — было такое стойбище около Найхина. Очень удобное место для рыбалки, на островах, но оно затоплялось при наводнении. Моего отца из Хабаровска отправили в Торгон секретарем сельсовета. Тогда же из Хабаровска для закрепления новой власти направили фельдшера, завмага и других. Ночью высадили на каком-то острове, где нас ждала большая лодка с гребцами-нанайцами. Тогда их еще по-старому называли гольдами. Помнится, была сентябрьская лунная ночь, на воде от луны — дорожка. Вдруг большая серебристая рыба выскакивает из воды и плюхается в лодку. Мама пугается, а гребцы-нанайцы смеются: "Ничего, это бывает, это максун". Потом я узнал, что максуны имеют такую привычку — при появлении тени выскакивают из воды и иногда попадают в лодку.

Утром я осмотрелся. Поселок расположен на двух островах. Через протоку, на другом острове, стоят в один ряд домики-фанзы. Думаю, что их устройство не менялось тысячи лет. Устройство самое примитивное: делается из тальника

плетёный каркас, потом с обеих сторон обмазывается глиной. Пол земляной, крыша кроется травой-вейником. Потолка нет. Делается простой очаг, туда вмазывается большой чугунный котел; от очага тянется по полу глинобитный дымоход, который выходит наружу, переходя в трубу. Дымоход застелен циновкой, сплетенной из расщепленного тростника. В изголовье — небольшие подушки, набитые волосом. Снаружи дымоход, в 3 — 4 метрах от фанзы он переходит в трубу, сделанную из скрепленных 3 — 4 досок, высота которых 5 — 6 метров. Иногда труба загоралась от горячей сажи, и тогда хозяин срубал ее и ставил новую — тоже из досок. Около фанзы ставили небольшой рубленый сарайчик на высоких столбиках. Столбики, как правило, сверху обивали листами жести — от крыс и мышей. Тут

же лежала трап-лестница, которая после использования от сарайчика убиралась.

Когда мне исполнилось 8 лет, отец отвез меня в Найхинскую школу-интернат. Обычно, когда заходит разговор о судьбе малочисленных народов в царской России, то слышишь только отрицательное: мол, и спаивали их, и купцы за бесценнок отнимали пушнину, и попы одурманивали. Однако у меня сложилось другое мнение, когда я уже после нанайцев познакомился с жизнью чукчей, поработав несколько лет на Чукотке. Мнение прямо противоположное.

И вот я живу в интернате. Здание построено до революции, есть три классные комнаты, спальня, столовая, которая в учебные часы превращалась в спортзал, банька, рядом — фруктовый сад, состоявший только из уссурийских груш и амурских дикоросов. При школе прекрасная библиотека научно-популярных и художественных книг.

Жизнь проходила, в основном, на классных занятиях. Часто в школе устраивались вечера отдыха, куда приходила молодежь из поселка. На вечерах развлекались, как умели: танцы, игры; плясуны устраивали перепляс — кто больше коленцев выкинет. Из самодеятельности вспоминаю один номер, когда выступающий кусал осколок оконного стекла. По спине бегали мурашки, когда слышно было, как хрустело это стекло на зубах, а он еще запивал его водой. Вспоминаю еще "борьбу": человека наряжали так: на спине приделывали две головы, а сам он при это вставал на четвереньки, и казалось, будто борются два маленьких человека. Было фехтование на длинных и коротких палках. На-

Так было прежде...
Художник Г. Д. Павлишин.

найки приходили в специальных халатах, у старых женщин в носу было кольцо.

Но пришло новое время, и пришла новая самостоятельность. Проводилась борьба со старым, постепенно внедрялось новое. В школе на вечерах мы иногда разыгрывали сценки борьбы за новый быт или вели пропаганду медицины. Сами ребята сочиняли маленькие пьесы с подходящими сюжетами. Например, заболел человек, к нему, как раньше было принято, приглашали шамана. Наряженный актер усердно бил в бубен, гремел погремушками, но больному ничего не помогало. Тогда, по пьесе, звали русского доктора. А так как в школе я был единственным русским, мне и приходилось исполнять эту роль. С важным видом, в белом халате, пояс от которого волочился по полу, я шел из-за ширмы к больному, заставлял его показывать язык, палочкой мерил температуру, потом давал "таблетку" — маленький кусочек сахара — и "больной" выздоравливал. Так торжествовала медицина и был посрамлен шаман.

Помню, как проверяли всех государственных служащих на предмет лояльности к новой власти. Комиссия (откуда не помню) разбирала каждого работника на общем собрании в школе, и нас тоже обязывали присутствовать. Считалось, что дети должны приучаться к общественной жизни. А то еще была проверка — нет ли "обуржуазивания" среди работников (главным образом, русских). Для этого ходили по квартирам и делали обыски. Если находили запас новых тканей, просто конфисковывали их. Была еще проверка нашего маленького магазина, скорее, даже деревенской лавки. Меня включили в состав комиссии как представителя школы. К счастью, в комиссии по раскулачиванию детей не включали. Но раскулачивание было.

Что отбирать у нанайцев? Они жили родовым строем, и рыба, главным образом кета, была основным продуктом жизни. Кета служила основой для получения юколы на зиму и для людей, и для собак. А собаки — это и охота, и тяговая сила. Обычно кто-то имел лодку — неводник и невод. Все остальные входили в долю, и при ловле хозяин невода

получал двойную долю. Он-то и считался "кулаком", хотя и жил в фанзе. При раскулачивании отбирали лодку, невод и передавали в колхоз, который назывался "Интегральный охотник". Я однажды спросил, что означает это слово? Мне объяснили: это — объединенный охотник, а назвали так потому, что звучит красиво и похоже на слово "интернационал".

Зима 1930 года была для нас трудной. Хлеба за едой давали только маленький кусочек, зато соленой кеты было много. Нас ей всю зиму кормили. В то время нанайцы рыбы ловили много. Обычно из тушки кеты ножом вырезали четыре пластины, оставляя голову и хребет собакам. Пластины вывешивали на солнце, сушили. Некоторые пластины подсаживали, получалась соленая юкола. Это был зимний запас. Хлеба нанайцы не пекли, но делали на пару пампушки и лепешки, сдобренные рыбьим жиром. Такая лепешка на морозе не замерзала, что очень важно для охотника в тайге.

Хотя в соседнем русском селе Троицком была православная церковь, нанайцы жили по своим законам и традициям. В случае необходимости обращались к шаману, а то и сами лечили больного. Считалось, что в заболевшем человеке сидит чёрт, которого надо выгнать. Ночью садились в кружок вокруг заболевшего и кричали то вместе, то в разнобой: "Га-га!". Если человек выздоравливал, верили, что чёрт испугался и убежал.

Когда-то Мао Цзэдун, претендуя на земли советского Дальнего Востока, заявлял, что народы Амура экономически всегда были связаны с Китаем. Но за все время жизни в Торгоне и Найхине я не замечал особого влия-

ния китайцев. Верно, курительные трубочки из меди на длинных чубуках у пожилых нанайцев были явно китайского производства. Да еще халаты из китайского шелка, но с нанайской вышивкой, копы для охоты, и все. Там не было ни китайских лавочек, ни пагод. Впрочем, как не было и православных храмов в нанайских стойбищах. Шаманы вполне удовлетворяли все потребности населения.

В 1929 году у нас создали пионерский отряд. Мы все дружно вязали красные галстуки и твердо знали, что если кто-то схватит за него и скажет: "Ответь за галстук!", нужно заявить: "Не трожь рабоче-крестьянскую кровь!". Летом этого же года нас повезли на экскурсию в Хабаровск и Владивосток. Там нас не очень гостеприимно встретили уличные мальчишки. Владивосток запомнился тем, что нашу группу в чистеньких рубашках и пионерских галстуках провожали обидными криками, вроде таких: "Пионеры — лодыри, царя-бога продали. Денег накопили, галстуков купили". Наша руководительница сказала, чтобы мы не отвечали и не обращали внимания на крики детей "недобитых буржуев".

К моменту приезда нашей семьи в Торгон Амур был уже достаточно населен. За время его массового заселения каждую зиму по Амуру и его протокам организовывалась почтовая связь. В крупных селах были созданы почтовые станы. Такой стан был и в Торгоне. По найхинской протоке стояли замороженные в лед длинные веники — указатели дороги для почтовых троек. Так что нанайские охотники и рыбаки стали заправскими ямщиками. Звон бубенцов почтовой тройки я услышал раньше, чем прочитал об этом в книгах. Но скоро, к моменту строительства Комсомольска-на-Амуре, почту стали развозить на автомобилях и почтовый стан закрыли. Дорогу стали чистить от снежных заносов заключенные.

Наступило бурное и беспокойное время. Планов по лову рыбы, и государственных, и встречных, стало больше, а нанайцам речных даров оставалось все меньше и меньше. Колхоз "Интегральный охотник" переименовали в "Новый путь", но это уже совсем другая история.

Амбар на сваях.
Художник Г. Д. Павлишин.

“ЛИКИ ГАРМОНИИ И НАДЕЖДЫ”

Елена ГЛЕБОВА,
журналист

Прекрасные легенды о заснеженной тайге, быстрых реках и вольном степном ветре складывались коренными народами Дальнего Востока и Северной Америки. В них любовь и трепетность ко всему живому, преклонение перед могущественными духами, гармония природы и человека. Не случайно международная российско-американская выставка, представляющая искусство коренных народов Дальнего Востока России и Северной Америки, названа именно так — “Лики гармонии и надежды”.

По словам организаторов выставки, сотрудников Дальневосточного художественного музея, искусство коренных народов Дальнего Востока и Северной Америки достойно входит в круг культурных ценностей мирового значения. Поистине уникальные художественные произведения, принадлежащие к “вечному искусству архаики”, представлены на выставке “Лики гармонии и надежды”. Живопись, графика, предметы декоративно-прикладного искусства из собраний Дальневосточного художественного музея, Российского фонда культуры (Хабаровское отделение), Фонда за возрождение коренных народов Сибири и Дальнего Востока (Сиэтл, США), а также из мастерских российских и американских художников.

Разные страны, разные люди, но сколько общего и в искусстве, и в судьбах.

Творчество дальневосточного художника Николая У называют уникальным прежде всего потому, что он возродил

“Мать”. Дмитрий Оненко.

“Душа неродившегося ребёнка”.
Николай У.

“Летний дождь”. Оливер Марвин.

древнее искусство резьбы по дереву. Искусствовед Татьяна Лементович говорит о том, что, выходя в своем творчестве далеко за рамки народного ремесла, автор создает произведения, которые отличаются совершенством художественной формы. Николай У нашел себя в графике. Его стиливо-примитивистские листы, выполненные в технике гуаши, удивительно экспрессивны и национальны по своей содержательной сути. Искусствоведы считают, что в этом европейском виде искусства Николай У утвердился как талантливый художник, оставаясь одним из ярких представителей культуры своего народа.

Художница Сюзан Пойнт тоже возродила искусство своего народа сэйлиш. Она изучала древние предметы в музеях, черпала знания из книг. Сюзан Пойнт занимается монументализмом и оформляет такие современные материалы, как стекло, сталь, цемент, в традиционном стиле искусства своего народа.

Народ зуни издавно занимался мозаикой из полудрагоценных камней в ювелирных украшениях. Вероника Поблано работает и в традиционном стиле, и в современном. Впрочем, по мнению знатоков, от других ювелиров Вероника отличается своим авангардизмом.

Хабаровский художник-ювелир Валентин Самар идет от истоков своего народа. Да, у нанайских женщин всегда была особая любовь к украшениям из серебра, они гармонично дополняли празд-

ничную одежду. Даже в названиях ювелирных изделий художник обращается к родному языку. Однако, как заметила Татьяна Лементович, художественный язык, которым выражает себя Валентин Самар, испытывает влияние европейской культуры, и найти свой стиль — задача автора.

Как важно, чтобы на пути встретился настоящий учитель. Путь в мир прекрасного художник Айзак Тэйт из племени нишга начал с резьбы по дереву. Этому он учился у отца. Позднее художник перешел к резьбе по полудрагоценным камням, и вот появилось новое направление в ювелирном мастерстве.

Вышивальщиц Ларису Бельды и Любовь Самар называют потомственными мастерицами. С тихими песнями матери, со сказками, нашептанными бабушками, приходило понимание красоты. Художницы создают ритуальные вещи, сохраняя традиции женского нанайского искусства.

Джон Хувер — алеутский резчик по дереву. Этому художнику близка русская культура, так как его мать в детстве была удочерена русским священником. Именно православные иконы вдохновили Джона Хувера на творчество. В ряду участников выставки стоят такие имена, как Маркус Амерман из народа чакта с юго-восточного района США, Конрад Хаус — представитель многочисленной индейской нации навахо штатов Аризона и Нью-Мексико, Дэн Ломахафтеуа из племени хопи штата Аризона, Марвин Оливер — представитель племени квиналт, Лиллиан Питт — потомок народов якама и уаско, алеут Денис Уоллас.

Художник Дэн Ломахафтеуа изучает петроглифы

“Путь предков”. Дэн Ломахафтеуа.

Маски (дерево). Николай У.

Свадебный халат. Лариса Бельды.

коренных народов мира и, отталкиваясь от этих рисунков, создает собственные композиции на холсте и бумаге, наполненные сочными цветами. Дэн недавно побывал в Хабаровске, встречался с нашими художниками и мастерами, посетил некоторые села. По его словам, он мечтает вернуться сюда спустя несколько месяцев, чтобы изучать амурские петроглифы.

Творчество коренных народов Дальнего Востока России на выставке достойно представили известные мастера Лариса Бельды, Любовь Самар, Елена Киле, Николай У из амурских сел Джари, Кондон, Троицкое, а также Людмила Пассар из Комсомольска-на-Амуре, Дмитрий Оненко из старинного села Найхин, хабаровчанин Валентин Самар, Иван Росугбу из села Булава. По словам автора выставки “Лики гармонии и надежды” Татьяны Лементович, современное искусство коренных народов Дальнего Востока осознает себя как самостоятельный род деятельности, оно становится индивидуальным делом, профессией. Старое и новое, традиции и новации органично сочетаются в произведениях различных видов и жанров коренных народов Дальнего Востока. Это дает надежду на появление новой концепции национального творчества.

Много общего в искусстве двух стран. Но самая великая ценность — бережное отношение американских и российских художников к культуре своих народов. На выставке “Лики гармонии и надежды” в окружении уникальных экспонатов можно услышать тихие напевы далеких эпох. Творчество коренных народов разных стран не затерялось во времени. Его краски по-прежнему ярки.

**Фотографии из фонда
Дальневосточного
художественного музея.**

ТРИАДА

ТРИАДА
(троичность) —
единство трех лиц,
предметов, понятий.

На чем зиждется театр
с таким названием?

**Талант. Труд.
Творчество.**

Что пытается объединить?
**Прошлое. Настоящее.
Будущее.**

Кем творится?
**Режиссером. Актером.
Зрителем.**

Как творится?
**Жестом. Мимикой.
Словом.**

Ставит цель?
**Рассмешить.
Опечалить.
Взволновать.**

Анна ШАВГАРОВА,
заведующая литературной частью
театра "Триада"

Весь долгий творческий путь театра от любительской студии в 1975 году до театра-студии в 1989 и наконец до статуса муниципального в 1995 — он остается единственным и уникальным на Дальнем Востоке.

Уникальным, потому что артистов такого жанра не готовят ни в одном театральном институте страны. Потому что для таких театров не пишут драматурги. Потому что родился и живет он только творческой мыслью своего создателя — Вадима Гоголькова.

Сегодня в репертуаре театра одиннадцать спектаклей. Особенно любима зрителем "клоунская серия": спектакли "Наш дом", "Дворюги", "Коловращение". Дворюги — обитатели нашего дома, добрые и милые люди, живущие в каждом дворе, в каждой квартире. Жизнь по-разному "коловорачивает" их, но все равно они выходят во двор, чтобы поделиться с соседями своими радостями и невзгодами, поиграть в домино, совершить кругосветное путешествие в банном тазике. Человек склонен посмеяться над другим человеком, и только клоун смеется над собой, упавшим в лужу.

Три сезона в репертуаре театра существует спектакль "О! Блин-шоу!".

Каждую пятницу он неизменно собирает зрителей самых разных возрастов.

Несложный арифметический подсчет показывает, что его посетители около половины жителей Хабаровска. А вы видели "О! Блин-шоу!"? Тогда вы знаете, над чем смеются каждую пятницу в Хабаровске.

На сегодняшний день спектакли жанра клоун-мим-шоу не составляют всей афиши театра. В репертуаре — "Чайка" А. П. Чехова, "Страсть" по мотивам "Пиковой дамы" А. С. Пушкина, "Старик и море" по повести Э. Хемингуэя, "Страна слепых" по Г. Уэлсу, "Дорога в небо" по пьесе А. Слаповского. Спектакли "Крысы" и "Откуда Я" имеют внутритеатральное авторство.

Такой "перевес" серьезного репертуара означает, что театр сегодня стремится уйти от строгих жанровых рамок театра пантомимы. На равных правах в ткани спектакля существуют музыка, пластика, слово. Коллектив влечет к театру синтетическому, и не только по объединению компонентов, но и по глубине мысли, переосмыслению драматургии, поиску собственных выразительных средств.

Например, в спектакле "Старик и море" централь-

"О! Блин-шоу!"

“Крысы”.

ным становится образ Карнавала как мироощущение, освобождающее человека от страха бытия. Закон Карнавала — общая свобода, его природа — оргия, оказались близки идее Хемингуэя: “Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения, Человека можно уничтожить, но его нельзя победить”. Таких примеров, когда тема, затронутая в спектакле, поднимается до философских обобщений, можно привести много, этим театр и интересен, этим он и привлекает своего зрителя.

Театральным событием города стала премьера “Чайки”. Спектакль занял первое место среди режиссерских работ сезона. Исполнитель роли Треплева Алексей Толстокулаков стал лауреатом фестиваля “Звезды дальневосточной сцены” в номинации “Первая мужская роль”.

Решение спектакля мне видится одновременно и образным, и привязанным только к этому театру, к его актерам. По режиссерскому замыслу актеры появляются в современных, реальных костюмах и сначала пытаются прочесть Чехова буквально по книжке, затем, словно “примеряя” персонажи, пробуют надеть костюмы, обзавестись аксессуарами. И, наконец,

в четвертом акте приходят к бытию, чувствованию в мифологеме чеховских героев, неважно в какой оболочке. Конечно, прием не нов, но в современном театре, когда уже, кажется, все изобретено, интересно следить не за оригинальничанием, а за точным воздействием определенного приема на зрителя, на раскрытие авторской мысли. А в данном случае режиссерский прием становится мощным средством постижения театром Чехова, взрослением актеров на прекрасной драматургии.

Спектакль получил высокую оценку театрального критика Ирины Мягковой. Мы позволим себе процитировать ее отклики, опубликованные в московском журнале “Театральная жизнь”:

“Есть несколько моментов в спектакле, когда вдруг возникает странный, таинственный звук — своего рода поэтическая побудка, отключение от линейного развития сюжета, возможно, тот самый звук лопнувшей струны из “Вишневого сада”, и все персонажи в секундной позе обнаруживают свои истинные намерения и чувства...”

Любовная игра, соблазнение, чувственная радость и чувственное томление занимают в этом спектакле значительное место. Конечно, не без участия пластики, порою даже чуть слишком остро характерной. Но также и за счет прекрасной музыки “штатного” композитора театра Дмитрия Голланда, и в результате особого внимания к тексту пьесы, где Гоголь обращает внимание на то, что другие, как правило, просто пропускают”.

В апреле 1998 года в “Триаде” состоялось еще одно важное событие — премьера спектакля “Дорога в небо” по пьесе современного драматурга А. Слаповского “От Красной Крысы до Зеленой Звезды”. Это дипломный спектакль для наших артистов, кото-

рые в этом году завершили обучение на театральном факультете Хабаровского института искусств и культуры. Артисты стали дипломированными специалистами. И хотя не мной, но верно сказано, что талант дипломом не дается, это тоже определенный этап для театра, который не столько дает привилегий, сколько обязывает соответствовать таланту и диплому.

Особенность этого спектакля еще и в том, что ставил его режиссер-педагог, ректор института искусств и культуры Николай Щербина. Пластическая и музыкальная идея Вадима Гоголькова. Особенность драматургического материала (пьеса представляет собой девять коротких новелл) заставила постановщиков поискать объединяющую идею, которая нашла свое выражение в страстном танго на музыку Александра Новикова и жанровом многообразии спектакля от трагедии до фарса.

Зритель, безумно любящий актеров “Триады” и оставляющий робкие признания в любви на оборотной стороне совершенно серьезной анкеты театра, наверное, обидится, не прочитав в этой заметке дифирамбов Алексею Толстокулакову, Валерии Гавриловой, Андрею Алашову, Марине Ефремовой, Владимиру Токареву, Ольге Бирюковой, Алексею Звереву, Галине Яковлевой, Павлу Оглуздину, Валерии Маловой, но мы считаем, что это отдельная, большая тема, требующая продолжения.

23 мая театр отметил свое “официальное” девяностилетие. Дата вроде не круглая, но для “Триады” (напомним — троичность) она кажется необыкновенно значимой. И еще на трех составляющих зиждется театр “Триада”: фантазия, молодость, потенциал.

Фантазия неисчерпаема, молодость неизбывна, потенциал безграничен.

“Чайка”.

“Старик и море”.

**Рисунки
Георгия БОЧАРОВА**

О чём напомнил старинный напев

Светлана МОНАХОВА,

музыковед

Зазвучит где-либо вальс "Амурские волны", и, не правда ли, воображение без труда перенесет вас, дорогой, не лишенный фантазии читатель, в дореволюционный Хабаровск, знакомый по старинным открыткам или иллюстрациям книг, посвященных его истории. Ныне мы хорошо осведомлены об экономическом и социальном развитии Хабаровска того времени. И лишь разрозненные свидетельства богатой событиями культурной жизни наших предков можно найти в тех или иных изданиях.

Попробуем восстановить распавшуюся связь времен, вернемся в прошлый век и посетим праздники на берегах Амура, проживем с хабаровчанами будни и увидим, как любили они музыку и театр, как стремились совершенствоваться духовно. Возможно, что некоторые картины дореволюционного Хабаровска, вызванные в воображении автора документальными источниками, помогут читателю понять день сегодняшний. Нет сомнений в том, что многие культурные традиции, которыми мы по праву гордимся, родились тогда, 100 лет назад. Может быть, другим был бы Хабаровск сегодня, если бы не подвижническая деятельность многих незаурядных людей, вложивших душу, талант для процветания дальневосточного края. Среди них были те, кто остался на Дальнем Востоке навсегда, верой и правдой служа Отечеству на далеких его рубежах.

Давайте же заглянем в те далекие времена, когда история Хабаровска только зарождалась.

Освоение Дальнего Востока началось лишь во второй половине XIX века. Шло оно стремительно. Один за другим закладывались дальневосточные города, среди которых Хабаровск занимал наиболее выгодное в географическом отношении положение. Находясь в центре дальневосточного края, в 1884 году Хабаровск стал административным центром Приамурья. Здесь разместились резиденция генерал-губернатора и множество административных учреждений. Несмотря на произошедшие перемены, город еще долго оставался провинциальным захолустьем. Большая часть строений в те годы возводилась наскоро, даже без фундамента. Дома производили впечатление полуизб, полуземлянок. Расположенные на высоких холмах улицы были разделены глубокими оврагами, по дну которых текли речки, называвшиеся Плюсинкой и Чердымовкой. Стекающие со склонов холмов и вновь взбегающие на них, улицы утопали в грязи. Они поросли кустарником, торчали не выкорчеванные пни, улицы таили опасность для пешеходов. В ночное время город освещался четырьмя керосиновыми фонарями, установленными в разных местах. Прогулка по ночному Хабаровску была небезопасной.

Удачно расположенный, город с самого начала был своеобразен. Самым красивым местом был городской сад, разбитый на крутом амурском берегу. С утеса открывался восхитительный вид. Отливал серебром величавый Амур, круто поворачивая в своем течении. В него впадала полноводная Уссури. При взгляде с вершины утеса казалось, будто стекают вдали три реки. Возле городского сада и было построено одно из самых красивых зданий Хабаровска — офицерское собрание*.

Местное общество любило посещать уютный и красивый особняк офицерского, или, как его еще называли, военного собрания. Окна его просторных гостиных выходили в городской сад. В летние вечера от Амура веяло приятной прохладой. Туда спешила городская знать, чтобы отдохнуть и принять участие в разнообразных развлечениях. Весь цвет офицерства во главе с генерал-губернатором регулярно посещали концерты и спектакли, даваемые часто с благотворительной целью. Большая часть публики ходила на эти вечера просто так, от скуки, на других посмотреть и себя показать. Однако в ее среде были и настоящие меломаны, бывавшие в свое время в столичных императорских театрах. Они то и задавали тон, именно на их реакцию ориентировался весь зал.

Все дни недели были распределены в военном собрании, и это расписание выполнялось неукоснительно. По вторникам и четвергам проходили военные совещания и собрания Приамурского филиала Императорского русского географического общества; по понедельникам, средам пятницам и субботам проводились репетиции общества любителей сценического и музыкального искусства; в воскресенье и по четвергам с восьми часов вечера — карточные и танцевальные вечера.

Роскошные гостиные, мягкая мебель, камин, ковры... Приходили сюда отдыхать, обменяться новостями, поиграть в карты. Год от года здесь все больше появлялось посетителей, однако членами собрания становились далеко не все. Вход сюда был ограничен, гостей пропускали только по приглашениям, при этом следили за формой одежды: военные — в сюртуке с погонами, статские — в сюртуке. В праздничные дни и на танцевальных вечерах предписывалось военным быть в сюртуке с эполетами, статским — во фраке. Военное собрание было притягательным и своей недоступностью, и изысканностью развлечений. Здесь проходили музыкальные танцевальные вечера, выступали гастролировавшие артисты, устраивались юбилейные торжества. В во-

енном собрании собиралось и проводило свои репетиции общество любителей сценического и музыкального искусства.

Более доступным для городского населения было общественное собрание. Его здание — ветхий деревянный одноэтажный особняк, арендованный у купца Тифонтая, — выглядело более чем скромно*. Расположенное в самом центре города, на улице Муравьева-Амурского, оно ни своим внешним видом, ни внутренним убранством не соответствовало той роли, которую играло в жизни горожан. На скамейках возле здания общественного собрания летом и зимой сидели китайские торговцы, одетые в черные длиннопольные одежды. Возле них постоянно образовывалась толпа, жуящая фрукты, изюм, жареные пирожки. Корки от апельсинов, ореховая скорлупа летели тут же на тротуар, засоряя все свободное пространство. Разносчики мелкой снеди с огромными корзинами загораживали проход к зданию. Публика, спешившая на концерты, протискиваясь в толпе, должна была остерегаться карманников. И все же, несмотря на ужасающую тесноту здания и его внешнюю неприглядность, общественное собрание оставалось любимым местом отдыха большинства хабаровчан.

В конце XIX века Хабаровск не мог похвастать изобилием и разнообразием развлечений, в которых так нуждались интеллигентные люди, заброшенные волею судьбы из центра России на далекую окраину. Администрация общественного собрания делала все возможное, чтобы развеять скуку провинциального захолустья. Именно тогда городская дума при поддержке купечества и простых горожан развернула строительство общественных зданий.

В 1901 году было построено здание общественного собрания**. Теснота и убогость прежнего в последнее время все больше раздражали горожан, поэтому окончание строительства ожидали с большим нетерпением.

Новое здание, украсившее улицу Муравьева-Амурского, освободившись от строительных лесов, выглядело нарядно и внушительно.

Устав общественного собрания был более демократичным. Он давал большую свободу членам собрания и практически не имел ограничений для вновь вступающих.

Богатела городская казна, росло состояние именитых купцов. Больше денег стало отчисляться на благоустройство города, строительство, образование.

Городской базар поражал изобилием продуктов. Располагался он вдоль Амура, в устье реки Плюсники (ныне здесь речной вокзал). Базарную площадь окружали молочные и хлебные лавки, рядом продавали свежие овощи, крупы, молочные продукты. Ближе к Амуру стояли рыбные ряды: тут и живые осетры, и нарезанная кусками калужатина, в больших бочках краснела соленая кета. Торговля шла бойко, цены были не высокими. Гул, наполнявший площадь, разносился далеко по Амуру.

В начале XX столетия Хабаровск стал быстро приобретать респектабельный вид. Если в 1902 году в городе насчитывалось 99 строений, то уже в 1907 году их стало 539. Множество оригинальных зданий, объединивших в своей архитектуре западный и восточный стиль, строилось именно в те годы. Своеобразие придавали Хабаровску крыши многоэтажных каменных домов, причудливо украшенные затейливыми башенками, узорчатыми пагодами, стены с различной отделкой.

Вопросы благоустройства города были в центре внимания городской думы. Щедрое хабаровское купечество поддерживало все городские начинания.

Одним из красивейших каменных строений того времени было здание общины сестер милосердия на Военной горе. Через Чердымовку по улице Поповской (ныне улица Калинина) перекинулся каменный мост. Гордостью горожан было здание Николаевского мужского училища*. Большое красивое здание было выстроено для краеведческого музея, рядом располагалась Николаевская публичная библиотека.

В 1906 году Хабаровск осветили электрические фонари. Учрежденное полковником С. Н. Ванковым акционерное общество построило электростанцию между пристанями и утесом Муравьева. По инициативе Ванкова появился в городе водопровод. На заседаниях городской думы уже ставился вопрос о проведении трамвайной линии от пристани до вокзала. Для улучшения внешнего вида улиц было решено запретить расклейку афиш на заборах, а для этой цели установить стеклянные витрины.

В ноябре 1905 года в Хабаровске был открыт народный дом имени Пушкина**. В дореволюционной России открывавшиеся повсеместно народные дома занимались просвещением народных масс. Открытие такого дома в Хабаровске стало характерной приметой того времени. В Хабаровске появилась еще одна кон-

* Офицерское собрание было построено в 1876 году. Ныне в этом здании находится Концертный зал Хабаровской филармонии.

* Ныне на этом месте, возле центрального гастронома, построено здание овощного магазина.

** Ныне в этом здании находится театр юного зрителя.

* Здание находилось на площади Ленина, было снесено при строительстве здания крайкома КПСС

** Народный дом им. Пушкина находился ниже площади Ленина, за телеграфом. Здание не сохранилось.

цертная площадка. В 1908 году в центре города на улице Муравьева-Амурского появилось новое, роскошное общественное здание — городской дом.

Созданное в псевдорусском стиле это красивое здание стало предметом гордости хабаровчан. Все приметы цивилизации радовали горожан, хотя некоторым нововведения были явно не по душе.

«В Хабаровске появился шарманщик, — писала газета "Приамурье", — кроме того, он носит птиц, которые вытаскивают из ящика билеты, заключающие указывание будущего и настоящего. За билеты шарманщик берет по десять копеек, шарманка играет целый день. Ее музыка истинная пытка».

История Хабаровска знала периоды подъема и спада. Застой в жизни Приамурского края особенно почувствовался в 1910—1911 годах. Были на то объективные причины.

Эпидемия холеры, распространившаяся по всей России в 1910 году, и неурожай 1911 года подорвали экономику страны, что не преминуло сказаться прежде всего на окраинных землях. Урезались ассигнования казны на развитие культуры, науки, просвещения. Сменивший Унтербергера, генерал-губернатор Николай Львович Гондатти, несмотря на всю его заинтересованность, не сумел успешно преодолеть тяжелый кризис. И все же с первых шагов своего правления Гондатти развил бурную деятельность. Имея за плечами научные труды в области этнографии, Николай Львович, вдохнул новые силы в жизнь географического общества. Колоссальные средства отпускались на исследования Амурского края. Благодаря ходатайству Гондатти, правительство в столь сложное время, выделило 3000 рублей на организацию Приамурской сельскохозяйственной выставки. Губернатор не пропускал ни одного заседания Приамурского филиала Императорского русского географического общества, внимательно следил за ходом ремонта краеведческого музея и вновь ходатайствовал перед правительством о денежной поддержке филиала.

В 1912 году не без его усилий в городском доме состоялось торжественное открытие общества востоковедения. Читая газеты тех лет и даже учитывая верноподданнический характер отдельных изданий, когда каждая информация начиналась словами "Главный начальник края предложил, сделал распоряжение, согласно указаниям", не перестаешь удивляться вездесущности Николая Львовича. Инициатива Гондатти распространялась на самые разные сферы, будь-то открытие спичечной фабрики или строительство здания мужской гимназии во Владивостоке, наделение земель для хлебопашества инородцев или разведение пятнистых оленей. Внимательно относился главный начальник края к благоустройству Хабаровска. В первую очередь, руководствуясь его указаниями, начали производить работы по благоустрой-

ству парка. Сглаживались до одного уровня откосы, у подошвы утеса воздвигалась каменная стена высотой в один сажень, остальное пространство укладывалось дерном. От веранды, где помещался буфет, мостилась довольно широкая, ведущая к берегу дорожка. На самом утесе предполагалось строительство павильона с высокой колонной и дуговым фонарем наверху. Одновременно с этим на заседании городской думы утверждался план нового базара на улице Л. Толстого. К предстоящей Приамурской сельскохозяйственной выставке устраивался пруд в верховьях реки Плюснинки*. В том же 1912 году рядом с театром Матеуса открылся новый концертный зал "Яр", где ежедневно проходили гран-концерты.

Воспитанный в строгих нравах, Николай Львович не терпел разнузданной эротики, наводнившей экраны хабаровских иллюзионов. По предложению главного начальника края устраивался строжайший надзор за репертуарами иллюзионов. Не допускалось демонстрирование картин, предосудительных с точки зрения морали.

Усердно посещал Гондатти всевозможные вечера, проводившиеся как в военном, так и в общественном собрании. Не без гордости принял он приглашение принять участие в обеде амурских старожиллов. Приехав на Дальний Восток в начале 90-х годов XIX века, Николай Львович не без основания считал себя старожилом этих мест.

Небольшая гостиная общественного собрания, где проходил обед, едва разместила гостей, которых насчитывалось около пятидесяти человек. Сегодня эта цифра покажется ничтожно малой, но такова была особенность этих мест: заезжие чиновники, столкнувшись с трудностями дальневосточной жизни, спешили уложить чемоданы и при первой возможности покидали Хабаровск. Зато те, кто остался, приросли душой к этому краю и старались сделать все возможное для процветания Дальнего Востока.

С 1915 года небольшое кафе "Чашка чая"*** стало любимым местом отдыха горожан. Посетителей привлекал небольшой, но прекрасно сыгранный оркестр. Веселили публику австро-венгерские музыканты — военнопленные, которые приходили на работу под конвоем. Со временем контроль ослабел, и музыканты получили свободу передвижения.

Особой приметой нового времени стало открытие в 1915 году частной музыкальной школы Я. И. Свенторжецкой***.

* Ныне здесь располагаются городские пруды.

** "Чашка чая" была расположена в здании нынешнего Центрального универмага.

*** Первое упоминание о музыкальной школе Свенторжецкой — газета "Приамурская жизнь" № 1874 за 1915 год.

В ней довольно умело обучали игре на рояле, скрипке, виолончели. Особенно популярными были уроки пения. Все без исключения ученики изучали теорию музыки. Конечно, наиболее состоятельные горожане предпочитали приглашать учителей музыки на дом, но школа Свенторжецкой тем не менее не испытывала недостатка в учениках. Популярность музыкальной школы могла сравниться лишь с лекторием по краеведению, проводившемся в Алексеевской гимназии, где блистательно читал лекции директор музея В. К. Арсеньев. Изредка его подменяли член совета Приамурского филиала Императорского русского географического общества И. А. Лопатин и секретарь общества востоковедения Л. Г. Ульяницкий.

Становясь крупным административным центром Дальнего Востока, Хабаровск в те годы жил бурной культурной жизнью. Число концертных и театральных площадок росло с каждым годом. Имел город и приспособленное под цирк здание на Николаевской площади (ныне площадь им. Ленина). На территории Приамурской сельскохозяйственной выставки в 1913 году было построено здание для театра миниатюр. Стремительно росло число иллюзионов, особой любовью у горожан пользовался иллюзион Подпаха (ныне "Совкино"), открывшийся в 1907 году. С большим успехом в нем шли фильмы "Красавица фермерша", "Грандиозный пожар в Париже", где в съемках участвовали на двадцати паровых и ручных машинах около тысячи пожарных. Особенно трудно было попасть в те годы на хроникальные фильмы, которые изредка чередовались с боевиками. Хроникальный фильм о похоронах генерала Линевица стал своеобразной сенсацией в Хабаровске. Среди зрителей нашлись и такие, которые хорошо помнили человека, отдавшего часть своей жизни служению Дальнему Востоку.

В 1908 году в Хабаровске было три кафешантана: два зимних и один летний с двумя открытыми сценами. Все три кафешантана содержали небольшие струнные оркестры (из которых один был дамский), хоровые капеллы, поющих и танцующих первоклассных этуалей (модных артисток легкого, развлекательного жанра) и салонных акробатов.

Местные газеты, опасаясь падения нравственности, выразили благородный гнев, который можно было понять, если бы не плачевное положение этих самых кафе-шантанов, в которых царили скука и запустение. Уныло звучала в пустом зале капелла, еще более уныло выглядели этуали, зябнувшие на открытой сцене в своих легких, в стиле аля-трико костюмах. В заведениях было холодно и скучно. Сама жизнь вычеркивала их из обихода патриархального Хабаровска. Сомнительного рода развлечения никогда не вызывали у хабаровчан особого энтузиазма.

ПО ВЗМАХУ ДИРИЖЁРСКОЙ ПАЛОЧКИ ВЕРШИТСЯ ВОЛШЕБСТВО

Анна МОРОЗОВА,
журналист

Иногда без высоких фраз не обойтись. Впрочем, о Дальневосточном симфоническом оркестре трудно сказать иначе. Он гордость нашего города, края, региона, и в этом нет ничего надуманного. Когда оркестр открывает очередной симфонический сезон (а их уже было шестьдесят два), у многих людей наступает праздник. И всякий раз в Концертном зале филармонии главный дирижер оркестра Виктор Тиц и музыканты получают в дар горячие аплодисменты благодарной публики.

Но как же все начиналось? В 1936 году был подписан приказ об организации симфонического оркестра при Хабаровском краевом радиокомитете. В 1960-м оркестр перевели в штат краевой филармонии, а еще через год присвоили имя — Дальневосточный. Очень долго, видимо, оправдывая новый статус, музыканты гастролировали от Байкала до Тихого океана. Прекрасная музыка звучала в Магадане и на Чукотке, на Камчатке и Курилах, на островах Римского-Корсакова и Путятина.

В разное время симфоническим оркестром руководили талантливые дирижеры. К сожалению, не удалось узнать имени первого руководителя, но одним из первых был Огарев. В начале пятидесятых годов оркестром управлял М. Бенедиктов, а позднее, уже под крылом филармонии — Ю. Олесов. Затем дирижерами были Ю. Николаевский, Б. Бабенко, Е. Ионесян. Но вот уже двадцать лет дирижерская палочка у заслуженного деятеля искусств России Виктора Тица.

С Дальневосточным симфоническим оркестром выступали видные российские дирижеры — В. Дударова, Н. Рахлин, Р. Матов, зарубежные мастера — Ж. П. Жакийя, С. Перейра, а также известные исполнители — Н. Петров, П. Серебряков, Н. Гутман, Н. Шаховская, Г. Кремер, С. Стадлер. Не так давно с оркестром выступала американка Эллен Труди, гитарист из Сан-Франциско Марк Тайшольц, дирижер из США Нил о' Хара.

Впрочем, и в самом оркестре немало талантливых музыкантов, которые всю свою жизнь связали с ним. Это концертмейстер А. Фарбер, трубач В. Литвак, тромбонист Г. Некрутенко, кларнетист И. Миланич, альтист Н. Менцер. Их уже нет, но память о талантливых людях навсегда вписана в книгу истории Дальневосточного симфонического. Жизнь не стоит на месте, коллектив все время обновляется, сюда приходят молодые музыканты.

Несколько лет назад Дальневосточный симфонический оркестр покинул краевую филармонию и стал самостоятельной концертной организацией. Сегодня она объединяет камерный оркестр "Серенада", струнный квартет, ансамбль духовых инструментов. Просветительская работа оркестра — вот ещё одна важная

сторона. Артисты приходят к детям в школу № 80, гимназии №№ 3, 9, детскую музыкальную школу № 7, детский сад № 102. И это даже не концерты, а литературно-музыкальные композиции, что гораздо ближе и понятнее детям. В следующем сезоне будет представлена программа, посвященная 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Открываются новые таланты среди юных музыкантов, а лучших из них включают в концертные программы. Уже не первый год при симфоническом оркестре и Хабаровском государственном институте искусств и культуры существует кафедра оркестрового исполнительства. Здесь готовят кадры для симфонических оркестров страны.

За все эти годы у Дальневосточного симфонического

оркестра появился свой слушатель — влюбленный в музыку, строгий и требовательный. Именно для таких людей музыканты оркестра находятся в постоянном поиске нового. Нередко в концертных афишах встречается надпись: "Первое исполнение". Причем не всегда это только современные произведения. В одной из программ, например, вообще впервые в России исполнялась симфония Сальери.

Все чаще оркестр обращается к операм.

Уже звучали "Царская невеста" Римского-Корсакова, "Верую" дальневосточного композитора А. Новикова. По мнению многих профессиональных музыкантов, благодаря Дальневосточному симфоническому оркестру состоялась постановка оперы Дж. Верди "Травиата". На концертах звучали также фрагменты из оперы "Евгений Онегин". В программе прошлого сезона были премьеры — Стравинский "Игра в карты" и Шестая симфония Гя Канчелли.

В прошлом году оркестр выезжал на гастроли в Японию, побывал в Благовещенске. Там было представлено пять программ для взрослых и детей. И это в то время, когда многие музыкальные коллективы не выезжают за пределы родного города и жители многих провинциальных городов лишены возможности сходить на симфонический концерт. По специальному приглашению оркестр вновь отправится с концертами в Японию, а если все сложится удачно, то и в Испанию.

В конце сентября открылся очередной сезон Дальневосточного симфонического оркестра. Свой первый концерт музыканты посвятили творчеству П. И. Чайковского.

Так совпало, что главный дирижер оркестра Виктор Тиц в нынешнем году отмечает сразу три юбилейные даты — свое шестидесятилетие, тридцатилетие творческой деятельности и двадцатилетие работы в оркестре. Поздравляем!

Лесные ветры дули ей в лицо, а путь освещали люди-звезды

Елена ГЛЕБОВА,
журналист

Среди таежных зарослей возле маленького костерка сидит молодая женщина. Она что-то записывает в блокнот. И в ее облике легко читается, как она увлечена, как спешит передать бумаге свои мысли. Старая фотография 1946 года запечатлела фрагмент экспедиции на Сихотэ-Алинь, связанной с организацией Приамурского географического общества. Молодая женщина — Юлия Алексеевна Шестакова — писательница, переводчица, неутомимый человек. После экспедиции вышли в свет ее очерки, а позднее — книга "Новый перевал".

Вот еще одна фотография — 1942 год. Черно-белый кадр сохранил улыбку молодой журналистки. За ее спиной табличка — редакция и типография газеты "За сталь". В тот год в Комсомольске-

на-Амуре развернулось строительство завода Амурсталь. Выездная бригада журналистов из "Тихоокеанской звезды" была призвана поддерживать боевой дух строителей, рассказывать о лучших рабочих. Среди журналистов были Андрей Пришвин, Вадим Павчинский и, конечно же, Юлия Шестакова. Да и могло ли сложиться иначе, если натура у Юлии Алексеевны беспокойная. А как велико ее стремление писать о том, что увидела воочию, к чему сама прикоснулась. Между прочим, неутомная журналистка побывала практически на всех новостройках и часто её работа была связана с риском. Юлия Алексеевна говорит о том времени коротко: "Много и напряженно работали". Но мне кажется, все было гораздо сложнее. Порой до глубокой ночи пропадала Юлия Шестакова на строительстве,

внимательно наблюдала за тем, что происходит, разговаривала с людьми. Потому и очерки ее такие правдивые, и герои так близки читателю, словно знаешь их много лет.

Спустя некоторое время в свет вышел сборник очерков "Люди-звезды". Странное дело. Сегодня, когда в обществе все изменилось и совсем иначе видятся идеалы тех лет, очерки Шестаковой вовсе не показались мне скучными, потерявшими актуальность. Я читала страницу за страницей и вместе с автором проникала в самые трудные местастроек, ощущала мощь дальневосточной тайги, восхищалась красотой людей, которые встречались на пути. Нет, не внешней. Красотой души обыкновенных рабочих, жителей национальных деревень, рыба-

1946 год. Экспедиция на Сихотэ-Алинь.

ков, молодых девчат-студенток. Как жаль было расставаться с ними, когда пришлось закрыть последнюю страницу. Я знаю почему. Юлия Шестакова подарила нам правдивые очерки, где нет ни тени вымысла, идеологической бравады. Живые, теплые строки о тех, кого она называет звездами. Да, в наши дни понятие "звезда" совсем иное. Так мы называем артистов, певцов. Словом, газетный штамп. Вдумайтесь, какие звезды у писательницы Шестаковой: "Много лет прошло с той поры. И еще пройдет... А люди — как звезды. Оттого, что издали звезды кажутся маленькими, они не перестанут быть звездами".

А вот еще одна цитата, взятая из предисловия к сборнику "Люди-звезды", которая как нельзя лучше раскрывает внутренний мир писательницы: "В поездках по краю и вообще по Дальнему Востоку мне открывались не только богатства нашей природы, ее красота, но и те невидимые преобразования, которыми была отмечена вся трудовая жизнь дальневосточников после войны. Я уже не говорю о том, что тема дружбы народов меня всегда волновала..."

Какое-то особенное, трепетное отношение у Юлии Алексеевны к своим собратьям по перу. Особенно к начинающим писателям. В сорок третьем году познакомилась она с Джанси Кимонко. Их дружба длилась очень долго, вплоть до гибели Кимонко. В Гвасюгах Юлия Шестакова литературно обрабатывала его книгу "Куда бежит Сукпай". Юлия Алексеевна вспоминала, что работала над рукописью долгими вечерами, спешила поскорей закончить, чтобы вернуться в Хабаровск. И вот в один из вечеров начал свое громкое камлание местный шаман. Шум, грохот не давали возможности сосредоточиться. Попросила тогда Юлия Алексеевна Джанси, чтобы тот утихомирил шамана. Шаман же (видно, в сердцах) сказал Кимонко, что умрет он в схватке с медведем. Позже удэгейский писатель погиб в тайге. Кто-то воспринял это как сбывшееся проклятие шамана и даже в одной из центральных газет преподнесли такую версию. Но Юлия Алексеевна уверена, что здесь просто совпадение фактов.

В таких сложных условиях и родилась книга. Перед самым ее выходом в свет в издательстве шел разговор об авторстве книги. Всем было ясно, что без талантливой литературной обработки книга "Куда бежит Сукпай" не была бы такой, какой ее знают тысячи читателей. Кто-то предложил поставить две фамилии и сделать Шестакову соавтором. Но Юлия Алексеевна решила иначе. При встрече она говорила, что еще очень многое может рассказать о жизни Джанси Кимонко. В ее архиве хранятся его записки, которые, возможно, она передаст

в Литературный музей. А я смотрю на старую фотографию: Юлия Шестакова на открытии памятника Кимонко. На правах почетного гостя она перерезает алюю ленту, позади — школьники в белых фартучках и рубашках.

Много занималась Шестакова переводами. Непросто перевести произведение поэта так, чтобы оно не потеряло национального колорита, характера, души автора. В предисловии к сборнику "Обретение друзей" Юлия Алексеевна пишет: "Что скрыто в стихах за словами неродного нам, иноязычного или чужестранного языка? Что там? Сияние света? Или гроза? Любовь? Борьба? Или страдание? Узнать, почувствовать красоту и силу образа, сотворенного автором, это как дорогая находка". С такими чувствами переводила Юлия Шестакова стихи с болгарского, украинского, белорусского, якутского, эвенкийского, нанайского, еврейского.

Переводы называют цветами под стеклом. Бережно относилась Юлия Алексеевна к этим цветам. Тем более, что не все стихи она переводила при помощи подстрочника. Еще когда училась в Иркутском литературном институте, выучила украинский, где он стоял обязательным предметом. Белорусский знала с детства, а болгарский выучила сама. Тем более, что во время учебы на Высших литературных курсах в Москве одним из лекторов был болгарин Дмитрий Марков. В небольшом сборнике "Обретение друзей" много стихов самых разных авторов. Уверена, что он не был бы столь ценным, если бы не предисловие Юлии Алексеевны. Она пишет о каждом поэте. Нет, это не банальные строки, которые частенько встречаются в подобных случаях. Переходя от абзаца к абзацу, я знакомилась с интересными людьми, видела, как сияют их глаза. А потом — стихи. И воспринимались они по особенному, в них улавливались настроение, радость, печаль.

1942 год. Комсомольск-на-Амуре.

Юлия Алексеевна — автор нескольких книг. Это рассказы и очерки о современниках: "Золотые ворота", "Огни далеких костров", "Серебряный ключ", "Лесные ветры", "Люди-звезды". Она перевела на русский язык повесть бурятского писателя Сергея Цыренджиева "Встречный огонь", а также повесть дагестанца Муслима Джафарова "Крылатый браконьер".

Говорят, журналистика — образ жизни. Юлия Алексеевна продолжает работать. Недавно написала воспоминания о Леониде Соболеве для журнала "Дальний Восток". А сколько еще интересного, удивительного хранит память этой женщины. Для многих людей это чистый источник. Его воды несут добро и свет.

На открытии памятника Джанси Кимонко.

Всеволода Петровича Сысоева, замечательного писателя, ученого-краеведа, много лет возглавлявшего Хабаровский краеведческий музей, нет смысла подробно представлять. Его знают очень многие. Не одно поколение мальчишек и девчонок, увлеченных таежной романтикой, зачитывалось книгами Всеволода Петровича. “Тигроловы”, “Амба”, “Рассказы дальневосточного следопыта”, “За черным соболем” — эти и многие другие литературные произведения писателя посвящены удивительному миру животных, отношениям человека и природы. Есть среди творений Всеволода Сысоева и книга, которая обошла весь мир. Это повесть “Золотая Ригма”, превосходно иллюстрированная народным художником России Г. Д. Павлишиным, которая переиздавалась в Праге, Берлине, на Украине и в Белоруссии. Книга награждена международными дипломами. Но не только литературные произведения подарил дальневосточникам Сысоев. Много, очень многое сделал он и для нашей суровой тайги, и для храма истории — краеведческого музея.

— **Всеволод Петрович, мне кажется, что вы счастливый человек. Ведь всю жизнь занимались тем делом, которое по-настоящему любили. Думаю, не многие люди могут похвастаться таким счастливым совпадением: любовь к профессии.**

— Стрость должна быть к своей профессии. Только тогда можно добиться успеха. У меня это совпало. Хотя, наверное, покажется странным, что страсть охотника соединилась с тем, что я делал для сохранения природы нашего края. Да, я охотник, пролил немало медвежьей крови. Но я взялся эту вину искупить. И теперь уже мои деяния можно расценивать с позиций экономических. В тридцать девятом году завез в край норку и ондатру. Расселились звери, прижились, и теперь дети думают, что так было всегда. Наверное, в этом есть моя заслуга. И еще в том, что создал первый в стране соболиный рассадник, который за семь лет дал 4200 племенных соболей. Бобра завез, и он прижился. Это радует, этим горжусь. Я всегда брался только за то, что действительно умел. Стал директором краеведческого музея и за двенадцать лет перестроил его, собрал богатую коллекцию обитателей дальневосточной тайги, рек и озер. Ни в одном музее мира вы не встретите медвежью берлогу и ее хозяина. А у нас в Хабаровске этот экспонат есть. Хотя мне три года понадобилось, чтобы воплотить свою мечту и доставить в музей редчайшую добычу.

— **Неужели вы сами добывали экспонаты для нашего музея?**

— Сам, своими руками ловил медведей и тигров. Я не тот человек, который только намечает планы. Их еще нужно выполнять. Сам искал, отбирал для коллекции, думал, как их вывезти, где найти деньги. Сегодня многие сетуют, что денег нет. А что, у меня они были? Я договаривался с охотниками, использовал их страсть к охоте, и они шли мне навстречу, помогали.

— **И что же, все у вас гладко получалось и не было никаких препятствий?**

— Были, конечно. В то время у меня сложились очень непростые отношения с Алексеем Клементьевичем Черным. Он меня не терпел, потому что из-за меня ему иногда приходилось ломать уже намеченные планы. Например, прихожу к нему и говорю, что к краеведческому музею необходимо сделать пристройку. Отказывает: нет денег. Он логически прав: нужно строить центр микрохирургии глаза, театр музыкальной комедии, большой комплекс птицефабрик. Но и я со своей стороны прав. Потому что, кроме меня, никто эту пристройку к музею делать не будет. Пока я возглавляю музей, пока есть силы и возможности, нужно делать. Черный говорит—нельзя! Я говорю — можно! В итоге — конфликт. Я ведь тогда председателя крайисполкома обманул. Когда он мне в очередной раз отказал, я написал письмо министру культуры с просьбой помочь нашему музею сделать панораму, посвященную Волочаевской битве, найти лучших баталистов страны для данной работы. И написал, что краевое руководство поддержало нас, изыскало семьсот тысяч. Положил это письмо на стол

Студенческие годы В. П. Сысоева (1932 — 1936) прошли в Балашихе (Подмосковье). Здесь он учился в Московском институте пушно-мехового хозяйства и получил специальность биолога-охотоведа.

первому секретарю крайкома партии Шитикову, с которым был в хороших отношениях, и попросил подписать. Тот, правда, спросил: а не попадет ли нам? Я сказал, что за доброе дело не попадет. Письмо отправилось в Москву. Вскоре приходит ответ, в котором Черного благодарят за поддержку культуры Хабаровского края, и так далее. Была, конечно, страшная буря. Меня вызывали, ругали. Я сказал: “Да гоните вы этого Сысоева, раз он такой обманщик”. Постепенно все улеглось, и теперь в музее есть великолепная панорама и пристройка к зданию. Значит, все было не зря. Не так давно встретились мы с Алексеем Клементьевичем, и я спросил его, не обижается ли он за тот обман. Он засмеялся и ответил, что никаких обид не держит.

— Скажите, а было ли в вашей жизни что-то, о чем сегодня приходится жалеть? Может быть, что-то не успели сделать?

— До сих пор не могу себе простить, что не создал в нашем городе зоопарк. Не смог убедить руководство края выделить на это дело пять миллионов рублей, небольшой домик и машину. Я бы за пять лет создал зоопарк, потому что все лучшие тигроловы и следопыты края были моими друзьями. Еще жалею о том, что ответил отказом Андрею Петровичу Капице — сыну академика Капицы. Он в то время возглавлял Дальневосточное отделение Академии наук и обратился ко мне с просьбой создать на Хехцире национальный парк. Жалею и о том, что не стал работать в Московском институте космической биологии. Приглашали. Вот видите, сколько у меня в жизни не осуществилось...

— Всеволод Петрович, но ведь осуществилось-то гораздо больше!

— Да, с одной стороны, меня радует: сумел что-то для людей сделать. Но с другой — чем больше живу, тем больше разочаровываюсь в человеке. Мне жаль наших детей. Они не видят хороших книг, зато книжные магазины буквально завалены эротикой, боевиками. Когда-то моим героем был князь Серебряный, а сегодня мой правнук восхищается Бэтменом. Я ему говорю: “Он ведь злой, убивает людей”. А правнук отвечает: “Он же только плохих убивает”. Больше всего печалит меня в этом мире то, что человек не совершенствуется. Это и до меня замечали Ницше, Шопенгауэр, древние греки. Я разуверился в человеческом величии, о котором писал Горький. Я ухожу в природу, в книги и в этом нахожу спасение. Помните, как писал Алексей Толстой? “...И старик лицом суровым просветлел опять. По нутру ему здоровым воздухом дышать. Снова веет волей дикой на него простор. И смолой, земляничкой пахнет темный бор...”.

Беседовала Елена ГЛЕБОВА.

1963 год. Экспедиция на озеро Эворон. Всеволод Петрович отправляется на поиск бобровых мест. В это время он уже возглавляет Хабаровский краеведческий музей. Спустя два года музей получил звание лучшего музея РСФСР.

С мая 1937 года В. П. Сысоев работает на Дальнем Востоке. Вначале в экспедиции на Зее по землеустройству, затем в зоне строительства Восточного участка БАМа.

Летом 1939 года В. П. Сысоева назначили начальником управления охотничьего хозяйства при Хабаровском крайисполкоме. Потом началась война. 23 июня 1941 года В. П. Сысоев был призван в Красную Армию. Служил на Дальнем Востоке, участник боёв с Японией. Демобилизовавшись из армии весной 1946 года, Сысоев два года работал в краевой конторе “Заготживсырьё”, а с 1948 года снова занял пост начальника краевого управления охотничьего хозяйства.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
заведующая отделом этнографии
Хабаровского краеведческого музея
им. Н. И. Гродекова

Когда в альбом тебе писали...

*Что нового покажет мне
Москва?*

*Вчера был бал,
а завтра будет два.
Тот сватался — успел,
а тот дал промах.
Все тот же толк,
и те ж стихи в альбомах.*

Так сказал Чацкий, вернувшись в Москву после долгого отсутствия. Сказал надменно, свысока. А тем не менее "стихи в альбом" представляют целый пласт своеобразной культуры светских салонов обеих столиц и провинциальных городов России прошлого века. Страницы некоторых альбомов сохранили автографы А. С. Пушкина. Писал в них М. Ю. Лермонтов.

Кстати, со стихами М. Ю. Лермонтова в альбом Софье Николаевне Карамзиной, старшей дочери писателя и историка Н. М. Карамзина, хозяйки известного литературного салона, где бывали А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, А. С. Хомяков, Е. П. Ростопчина и другие, связана целая история. О ней С. Н. Карамзина, считавшая поэтический талант М. Ю. Лермонтова "блестящей звездой", поведала в письме своей сестре Екатерине Николаевне Мещерской: "Я давно уже дала ему (Лермонтову. — **Т. М.**) свой альбом, чтобы он в него написал. Вчера он мне объявляет, "что когда все разойдутся, я что-то прочту и скажу ему доброе слово". Я догадываюсь, что речь идет о моем альбоме, — и в самом деле, когда все разъехались, он мне его вручает с просьбой прочесть вслух и, если сти-

хи мне не понравятся, порвать их, и он тогда напишет мне другие. Он не мог бы угадать вернее! Эти стихи, слабые и попросту скверные, написанные на последней странице, были ужасающе банальны: "он-де не осмеливается писать там, где оставили свои имена столько знаменитых людей, с большинством из которых он не знаком; что среди них он чувствует себя как неловкий дебютант, который входит в гостиную, где, делая вид, что понимает их, и наконец, смущенный и сбитый с толку, с грустью забивается в укромный уголок" — и это все". "Я, — продолжала С. Н. Карамзина, — вырвала листок и, разорвав его на мелкие кусочки, бросила на пол. Он их подобрал и сжег над свечей... Попросил обратно у меня альбом, чтобы написать что-нибудь другое, так как теперь задета его честь".

Другое, написанное М. Ю. Лермонтовым в альбом С. Н. Карамзиной, можно найти практически в любом издании произведений поэта. Альбом Софьи Николаевны не сохранился. Но у нас есть возможность заглянуть в альбом Клары Мязиной, ученицы Владивостокской школы III степени. Он заполнялся ее подружками и одноклассницами в течение 1922 — 23 годов. Конечно, в этом маленьком альбомчике в темно-синей ледериновой обложке нет поэтических шедевров. Там просто наивные детские строчки, написанные неверными детскими почерками.

*Голубую забудку
Ангел с неба уронил
Прямо Клаве на головку
И ее благословил.*

Так написала в альбом Клары Мязи-

ной ее подружка, скрывшаяся за инициалами Н. Л. Одноклассница Галя Смирнова 10 мая 1923 года оставила на память такие строчки:

*Расти беззаботно
Среди попеченья любимых,
Родных и друзей.
Когда же настанет
Минута сомненья,
Спаситель да будет
Защитой твоей.*

От Вали Суржиковой на память Клавье осталось назидание, увенчанное тремя восклицательными знаками:

*Молись. Будь терпелива,
И если жизненное море,
Его несчастья, муки, горе
Тебя настигнут, то смирись!!!*

На следующей страничке косыми неровными волнами уже 75 лет бегут такие строчки:

*Не в шумной беседе
Друзья познаются,
Они познаются бедой.
Коли горе нагрянет
И слезы польются,
Тот друг,
Кто заплачет с тобой.*

Подпись под ними своеобразна: "Кто писал, тебе неинтересно, а мне известно и того довольно, г. Владивосток".

Нередко на страничках альбома встречаются шуточные послания. Среди них есть, например, такое — за подписью Нади Ледок:

*Под кустом банана
Сидело два болвана,
Любуясь на цветы.
То были я и ты.*

Т. Морозову я представляю озор-

ной хохотушкой: ее рукой написаны два забавных четверостишья:

*Клава в ванночке сидит,
Во всю моченьку кричит:
"Ой, беда, ой, беда,
Какая мокрая вода".*

*Пишу тебе в альбом,
Ударься в стену лбом.
Ударившись, ты вдруг
Вспомнишь, кто твой друг.*

А какова Зина Пешехонова, державшая альбом Клавы 30 января 1923 года?!

*Люблю тебя я сердцем,
Люблю тебя душой,
Осыплю тебя перцем
И вымажу мукой.*

В числе "авторов" альбома есть даже шестилетняя девочка — Надя Михайловская. Написанное ее рукой четверостишье полно грамматических ошибок, с которыми и воспроизводим его:

*Клава роза полевая
Амур испанской красаты
Шалунья севернава края
Ах клава клава это ты.*

Об орфографии в шесть лет Надя еще не знала.

Некоторые подружки вместо стихов оставляли "на память Клаве" свои рисунки. На одной из страничек мы нашли стихотворение о печальной, всеми забытой правде, написанное здесь классной дамой Максимовой 5 марта 1922 года. Написанное с "ятями", хотя ее воспитанницы, похоже, уже не знали о существовании этой буквы в русском дореволюционном алфавите, но бог еще жил в их душах, недаром так много в альбоме стихотворений на эту тему. Вот одно из них — от Милы Сюрдюковой:

*Молись, дитя, тебе внимают
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И помогать тебе готов.*

Насколько серьезно относилась девочка Клава из далеких 20-х годов к своему альбому? Любила? Да: украшала многочисленными цветными картинками с букетами роз и не выбросила его, повзрослев. Однако не исключено, что она была согласна с подружками, записавшими в ее альбом скептические строчки. Например, мы можем прочитать следующее послание от Лары Грищук:

*Все альбомы и стихи,
Все на свете пуятки.*

*И советую тебе
Не иметь их в голове.
Или
Не верь тому,
кто здесь напишет.
Здесь редко, редко кто не врет.
Здесь все любовью дышит,
А сердце холодно, как лед.*
Последнее — от соученицы Вали Чайко.

Альбом Клавы Мязиной хранится в Хабаровском краеведческом музее. Дарительница обнаружила его в ящике старого шкафа, который купила много лет назад у незнакомых ей людей. Так что как сложилась судьба Клавы, нам не известно.

Можно предположить, что в начале XX века подобные альбомы были довольно популярны среди школьников. Ведь даже в календарях, издаваемых "для учащихся в женских учебных заведениях", публиковались образцы стихотворений в альбом. Давайте взглянем в один такой календарь из фондов Хабаровского краеведческого музея. Он вышел в 1907 году и назывался "Подруга".

*Не жалеи о днях минувших,
Их ты вновь не призывай,
И о промелькнувшем счастье
С горечью не вспоминай.*

*Если хочешь жить легко
И быть к Богу близко,
Держи сердце высоко,
А головку низко.*

*Скорее высохнет вода
В источниках повсюду,
Из камня вырастет трава,
Чем я тебя забуду.*

*В минуты скорби и печали,
Когда тоска, как лютый зверь,
Терзает сердце, то едва ли
Помогут люди, им не верь!
В такие горькие минуты
Одна с невзгодами борись.
И, если хочешь утешенья,
Творцу всевышнему молись!*

Пора прощаться с владивостокской школьницей и принадлежавшим ей коллективным трудом подружек. Сделаем это словами, написанными 75 лет тому назад Ж. Сарынцевой:

*На последней странице альбома
Я подпись оставляю свою,
Чтоб милая девочка Клава
Не забыла знакомку свою.*

МИР ЯПОНСКИХ КУКОЛ СОТКАН ИЗ ПРЕДАНИЙ И ЛЕГЕНД

Елена СОЛНЦЕВА,
журналист

Когда в Стране восходящего солнца наступали холода и земля покрывалась снегом, мужчины из района Тохоку, расположенного на севере острова Хонсю, отправлялись на разработку леса. Там, вдали от дома и родных, они проводили долгое время, а возвращаясь, привозили своим детям гостинцы — выточенные из деревянных чурбачков, ярко расписанные куклы — кокэси. Очень долго для детей удаленного от центра Тохоку кокэси были единственными игрушками. Говорят, что в глухих деревушках девочки до сих пор предпочитают этих кукол.

Хотя кокэси сегодня — прежде всего сувенир. Исследователи предполагают, что кокэси появились два столетия назад, в середине периода Эдо (1603 — 1867 гг.). Изготовить такую куклу было несложно — туловище да голова, выточенные на станке. Поэтому очень скоро их стали делать по всей Японии.

После второй мировой войны, когда отмечали экономический рост в стране, кокэси превратились в уникальный сувенир, который неизменно пользовался спросом. Расписных кукол продавали в специальных магазинах, а также на курортах. Туристы обязательно приобретали кокэси у местных умельцев и с любовью украшали ими свои дома. Во многих японских семьях можно встретить целые коллекции кокэси. История кукол, появившихся после войны, невелика. Их называют сингата — новые кокэси. Существуют и творческие кокэси — сосаку. В них художник выражает определенную тему. Сегодня в Японии немало мастеров работают в этом направлении. Их творческие кокэси путешествуют по разным странам мира, участвуют в самых престижных выставках. Художественная ценность таких кукол велика, потому цены на них порой заоблачные. Но вместе с тем сохранились древние традиции, которые передавались от мастера к мастеру, из поколения в поколение. Да, появились новые виды японских деревянных кукол, но остались и традиционные кокэси, совсем как те яркие игрушки, которые усталые отцы привозили своим дочерям из заснеженного леса двести лет назад.

На выставке, которая прошла в Дальневосточном художественном музее, были представлены все виды кокэси. Изгибы туловища, орнамент куклы многое могут о ней рассказать. К примеру, в какой местнос-

ти она изготовлена. Ветки бамбука и сакуры, цветы хризантемы, украшающие кукол, рассказывают о традициях той или иной местности. Завораживают линии изгибов дерева, полутона творческих кокэси. Это трудно объяснить словами, нужно почувствовать. Кукла “Цветочная дымка” рассказывает о влажных лугах, “Мгновение” напоминает о быстротечности жизни и ценности каждой минуты, “Тень цветка” — о драгоценности каждого дара природы.

Есть в Японии и другие игрушки, история которых измеряется веками. Некоторые из них имеют культурное значение. Фигурки медведя, к примеру. Их делали на острове Хоккайдо, где зима долгая и трудная. Для местных народностей айну медведь был главным божеством. Если айну встречал в лесу медвежонок, это считалось хорошим знаком. Он приводил его домой, сажал на цепь и ухаживал словно за божеством. Вырастал медвежонок и в его честь устраивали в деревне праздник с пышной трапезой и вином.

Говорят, что северо-восток Хонсю — сокровищница народного мастерства. Здесь вырезали из дерева лошадок-тохоку, из глины и соломы мастерили забавные игрушки. Давно, когда еще не было резиновых мячиков, для детворы делали деревянные шары и обматывали их разноцветными шелковыми нитями. А как радовали детей движущиеся волчки, повозки на колесах, миниатюрные наборы посуды.

Дарума — одна из самых распространенных и самобытных игрушек Страны восходящего солнца. Она похожа на нашего ваньку-встаньку, впрочем, так даруму называют и сами японцы. Из глины, теста и папье-маше делали даруму, игрушки эти отличались формой и окраской, но чаще они были красными. С дарумой связано много легенд. К примеру, эта. Дарума — так звали монаха, ревностного последователя буддизма. Он дал обет на верность религии и так усердно молился, что забыл обо всем на свете и просидел в одной позе много лет. В результате у него отпали руки и ноги. Вот почему даруму изображают в виде неваляшки. А еще дарума считается талисманом, который приносит богатство и счастье. Существует даже поговорка: “В беде не упали и встань снова, как дарума”. Иногда на даруме не рисуют глаза, только лишь тонкие полоски. Владелец дарумы может загадать желание и дорисовать глаза. Японцы верят, что тогда желание непременно исполнится.

Более десяти лет жил я в отрыве от амурских берегов, прошел через три войны. "Много стран в эти годы видали мы, по дорогам солдатским пыля, только нам и за дальними далями снилась наша родная земля". Не только снилась, манила, настойчиво звала к себе. Глядя на новые земли, порой более ухоженные, чем наши, прежде всего приходило сравнение: а у нас просторнее, травы ласковее, мягче, не то что верблюжьки колючки в Монголии, березоньки ласковей, чем акации и кустарники на сопках Маньчжурии, поля наши раздольней, не то что заросли гаоляна, в которых ничего не видно, кроме неба над головой. И зори у нас ярче, цветистей...

Мне захотелось узнать Амур поближе

Самое лучшее время для путешествий по Амуру — первый летний месяц. Стоят устойчиво теплые дни, погожие, затяжных дождей еще не предвидится, ветры юго-западные — попутные. Амур поблескивает, играет легкой волной, шевелит кудрявые зеленые тальники, клонит высокие травы на обширных луговых просторах. Необъятны они, как голубое небо с плывущими по нему ровными кучевыми облаками, истаявающими к вечеру. И путешествовать надо не на скоростном теплоходе, а на простой деревянной лодчонке, чтоб насладиться в полной мере красотой берегов, уютных заливов, с раскидистыми ветлами на лугах, с далекими горными хребтами, стерегущими ложе Амура-батюшки. А с борта теплохода только и увидишь, что темные ниточки берегов.

Мое первое знакомство с Амуром произошло в годы, когда он был еще в здравии и нефтяной хвост загрязнений от города не

ЛЮДИ АМУРА

Владимир КЛИПЕЛЬ,
писатель

ВК

дотягивался до Сикачи-Аляна, когда заливы и протоки еще не были обеззрыблены и караса лови хоть на тройную уху при любой погоде, в любом месте, на любую снасть и наживку.

Дивное было время. А какие интересные люди жили по берегам в селениях!

Помню, стали мы на ночевку на левом берегу на выходе узенькой проточки, соединявшей озеро Катар с Амуром. Мы — это писатель Виктор Кирюшкин, главред книжного издательства Андрей Степанов, моторист Ракхандия, лишенный на время шоферских прав за лихачество, и я, в то время приглядывавшийся к литераторам. У Кирюшкина вышла детская книжка, на гонорар он купил лодку и сколотил компанию, чтоб с ветерком “прошвырнуться” до Николаевска.

Сидим мы у костерка, блаженствуем, закатное небо истекает золотистым светом, как переполненные медом соты, тальники загустели и смотрятся в тихую воду задумчиво и умиротворенно, как наработавшийся за полный световой день косарь, в потемневших густах “чакает” птичка-козодой, будто молоточком выколачивает по серебру чеканщик. Смотрим, плывет в оморочке мужчина, увидел нас, повернул. На нем форменная тужурка, фуражка. “Здорово, мужики! Рыбачите?”. “Нет, путешествуем. Подсаживайся, гостем будешь”. Мы-то уже поужинали, а служивый человек, может, голоден. Да и поговорить не грех с новым человеком, едем не только ради красот и рыбалки. Хочется побольше узнать про Амур, про людей, живущих на его берегах. Мы назвали себя, гость себя — местный рыбинспектор, едет домой в деревушку Катар. Чтоб разговор шел веселей, налили стакан “лесной сказки” — технического спирту, взятого в дорогу. Запаслись ведерной бутылкой на случай, если потребуются ремонт мотора или бензин. И разговор пошел. “Хотите сазана? — в лодке у инспектора лежал пудовый сазан с ободранной с одной стороны головой, видно, попал под винт катера и всплыл. Он еще был жив, тужоко приподымал жаберные крышки, дышал, разевавая толстогубый рот, как у доброго поросенка. — Берите! У меня всякой рыбы — во! — черкнул инспектор рукой по горлу. — Нет, вы должны обязательно побывать у меня! До Катара тут рукой подать! И спрашивать никого не надо, увидите, — изба на берегу, калиточка у самой воды, рядом бык на привязи. Я вам такие места покажу! Красотища! А рыбы — любой!”.

Расстались друзьями. Ну как не навестить такого хорошего человека? Тем более рядом, каких-то пяток километров. Поехали. Долго петляли по обмелевшей проточке, пока выбрались к озеру. Деревня — пяток изб. Одна хатенка и в самом деле на берегу, и в жердяном заборчике — калиточка, а возле нее на привязи ходит бычок-дристунук, встречающий свое первое в жизни лето. Как из сказки: в одно ухо войдешь дурачком, из другого выйдешь добрым молодцем, хоть сразу под венец! Из хатенки вышла женщина, худощавая, смурная. Спрашиваем, дома ли хозяин? “Да куда ему подеваться, холера б его взяла! Надрывался где-то вчера, чуть до полз перед утром, спит”. Все ясно: тут и изба, и бык, и все остальное. Такие вот колоритные были люди!

Кирюшкин у нас за капитана, он знает Амур до самого низовья, еще более хорошо он знает родную Волгу, он — речной человек, и в пути первое слово за ним. В войну, под Сталинградом, был тяжело ранен. Малокалиберная пуля прошла ему грудь, прошла между аортами над самым сердцем. Вышел он из госпиталя полным инвалидом. В добавление к ранению еще и туберкулез, видно, долго пролежал на стылой земле, пока подобрали. С тех пор он — перекати поле. Жена то ли погибла в блокадном Ленинграде, то ли отказалась от него — инвалида. Он побывал на Охотском побережье, на Сахалине, в низовьях Амура, где как газетчик, где в геологической партии, где председателем рыболовческого колхоза. Его детская книжка о рыбах Амура. Вторая на подходе — о геологах и, конечно, с приключениями. Это “Говорящий ключ”. Есть и еще, но их едва ли станут переиздавать. Так мне кажется. Но после войны, будучи в Молдавии, он успел записать историю жизни русского богатыря Ивана Заикина — борца, не знавшего ни от кого поражений. С Поддубным ему померяться силами не пришлось. Заикин летал с Куприным на первом самолете, встречался за обеденным столом с великим князем и со многими знаменитостями, получил звание капитана русской авиации, хотя таковой еще не имелось. Строгие редакторы “вычесали” из рукописи в восемьсот страниц более половины, но и эта, меньшая часть, “На земле и

в воздухе” — еще не раз увидит свет. Заикин был интересным рассказчиком, хотя оставался неграмотным.

Кирюшкин написал объемный роман о Желтугинской республике. Была создана такая на Верхнем Амуре на китайской территории, о ней имелся очерк в книге “Экономический обзор Северной Маньчжурии”. Она просуществовала несколько лет и была разогнана китайскими войсками. Слухи о ней донес А. П. Чехов в своих письмах с Амура, когда плыл на Сахалин. История, достойная пера А. Дюма. Но она оказалась не ко времени. То вроде бы неудобно признавать, что и русские люди принимали участие в грабеже природных богатств соседа, хотя на вольном прииске были тысячи авантюристов из десятков стран. То вовсе осложнились отношения с Китаем. А рукопись так и не получила разрешения на публикацию. Доходило до смешного: нельзя было назвать китайца китайцем! Будто и страны такой вовсе не существовало!

Андрей Степанов — тоже фронтовик, но прослужил он в аэродромной службе. Я частенько наведывался к нему в издательство, и он подбрасывал мне рукописи для знакомства, чтоб я набирался опыта, а то давал оформить какую брошюрку. В заработке я нуждался. А еще больше был нужен мне его редакторский опыт. Человек он был до фанатичности преданный идеям коммунизма, боготворил Ленина и Сталина, считал себя ортодоксом — человеком непоколебимых идейных взглядов, и гордился этим. Можно было его и осуждать, когда он вычеркивал из рукописей все, что не сходилась с партийными установками. Но в жизни он был не скандальным, честным, охотно опекал нас — молодых “петушков” от литературы, и я ему за это благодарен. Кирюшкин его ортодоксальности всерьез не принимал, его суждения на этот счет были, скорее, обывательские: что его прямо не касалось, то ему до лампочки.

Эмма Ракхандия оказалась не только мотористом, но и искусным поваром: готовил такие рыбные блюда — пальчики оближешь! Капитан указывал курс, Эмма рулил и устранял неполадки в шестисильном моторе, Андрей принял на себя обязанности пожарника и либо попыхивал трубкой, либо спал. Известно, пожарники — большие до сна охотники! На мне лежала обязанность хранить казну — деньги на пропитание — и выскакивать по команде за борт, когда лодка налетала на мель. Вся прелесть плавания в том, чтоб избегать фарватера, иначе ничего интересного не увидеть.

В Маяке — поселке лесозаготовителей, лепившемся на склоне небольшой сопочки, словно камень-отпрядыш, оторвавшийся от основного горного хребта, мы заночевали в доме удмурта Баранова. Среднего роста, крепкого сложения, еще не очень старый, он жил в просторной бревенчатой избе на самой вершинке сопки. Обзор на все четыре стороны! На Амур он приехал с Удмуртии и сначала поселился в деревне Синде, но там ему не понравилась, и он переехал в Маяк — за шесть километров, поставив дом, призвал земляков. “Веселенькое место, — говорил он. — В одну сторону глянешь — Амур, протоки, луга, в другую — озеро к самой сопочке ластится, а за ним луга без конца до самого Сарапульского... Зимой, бывало, едешь, темень прихватит, а огонек в окне издали виден, манит...”

Баранов сопровождал Арсеньева, когда тот летом на лодке ехал в Троицкое. “Серьезный человек, — говорил он. — Все замечает и всякий раз для памяти в книжечку записывает”.

А познакомился он с Арсеньевым зимой, когда тот ехал по делам из Хабаровска в Троицкое, чтоб обговорить подготовку к экспедиции по Анюю. Остановился в избе у Баранова, подошел к печке руки погреть, заинтересовался: “Откуда такой камень брал? Это ведь туф!” “Не знаю, как он по-научному называется, а на сопке из такого камня дом построил. Хороший камень, тепло держит и мягкий, хоть топором его теши! Кирпич-то дороговат!”, — ответил Баранов. А после войны, когда в городе развернулось жилищное строительство, рванули боковину сопки, чтобы туф брать. Говорили, что камни летели аж до деревни Синды...

Лет через пятнадцать я снова проехал по Амуру уже с другим спутником и заглянул к Баранову. Он продал свой дом, не под силу стало с ним управляться, жил неподалеку в полуземлянке с какими-то старухами. Вышел на порог в матерчатых тапочках, и они сказали больше, чем слова: отжил, отбежал основатель поселка! “А я у вас останавливался. Помните?”. Он долго вглядывался в меня, потом сказал: “Нет, не припомню. Много разных людей у меня перебивало, ни перед кем я двери не закрывал!..”

(Продолжение следует).

Книга "Поэтический город", одевшись в нарядную глянцевую обложку, вышла в свет. Тираж ее — всего 2000 экземпляров. Наверное, отыскать ее в книжных магазинах будет непросто.

“Поэтический город” на берегу удачи

С чего начинается город? С первого камня, заложенного у его основания. “Поэтический город” начался с мечты. В. Катеринич, А. Лозиков и Н. Холодок задумали создать к юбилею города литературный сборник. Позади творческий конкурс, объявленный мэрией Хабаровска, кропотливая работа над книгой. Сюда вошли стихи 107 авторов. Кого-то уже нет с нами, а кто-то делает только первый шаг в поэзии.

По словам редактора сборника и одного из его составителей А. Лозикова, “Поэтический город” — это попытка на историческом изломе “до и после восьмидесяти пятого” показать возрастающий интерес молодежи к поэтическому слову.

В разделе “Новые голоса”, заметил А. Лозиков, представлена целая плеяда поэтов хороших и разных, ищущих и находящих новые возможности поэтического самовыражения.

В “Поэтическом городе” пять разделов. Это “Венок Пушкину”, куда вошли стихи Роальда Добровенского, Игоря Крашенного, Людмилы Миланич, “Хабар — по-старому “удача”, а я в Хабаровске живу”, где среди прочих авторов — Петр Комаров, Михаил Асламов, Лада Магистрова, Павел Халов. В разделе “Вспомяни старый Хабаровск” имена Александры Арман, Ларисы Дорофеевой, Евгения Кохана. Завершают сборник “Стихи вдогонку”.

“Дозвольте Вам ладони протянуть...”

Готовится к печати новый сборник стихов замечательной хабаровской поэтессы Лады Магистровой. В преддверии этого события — небольшая подборка её стихов.

ПУТЬ К ТЕБЕ

Спасибо всем, с кем я делила время
И хлеб, и соль.
И тем рукам, что прикасались, грея,
Смирная боль.
И всем глазам, которые светили
В крошечный час.
И всем сердцам, которые простили
На этот раз.
Благословляю ваши дни —
Удел земной —
И легкий след, что вами обозначен
Над крутизной.
Нам путь начертан горестный и странный
Сквозь стынь и зной,
И нету берегов обетованных
Душе живой.
Но память сердца обретает зренья
В тщете дорог,
И пахнет полночь морем и сиренью
И длится срок.

КАНДЫ

Ступень, где тайна новогодья
Из лунных бликов тклет покров времен.
И чуткий пульс чуть лихорадит он,
Покой преобразуя в половежье.

Пространственным распространением сил,
Вникающим морозной чистотою
В живое, будь то плотью ли душою
Зари в жемчужных переливах крыл.
Растает тень, и новогодний день
Ваяет красоту алмазных бликов,
Свеченье ожиданья в детских ликах,
И елочных причуд ночную звень.

Дозвольте Вам ладони протянуть,
Беспечные мои родные люди.
Пусть луч надмирный чистоту разбудит,
Все светлое, что тщится утаить.
Отпустим свет простых надежд, спрядая
Обереженья радостную нить.

“Золотое наследие”

Хабаровское отделение Российского фонда культуры в рамках своей программы “Наследие”, посвященной ветеранам культуры и искусства края, издает серию книг “Золотое наследие”. В них отражается долгая и полная удивительных дел и встреч жизнь наших ветеранов, публикуются уникальные фотографии из семейных архивов. Вышли четыре книжки: об искусствоведо-исследователе народного творчества народов Приамурья Клавдии Павловне Белобородовой; об известнейшем краеведе, охотоведе и писателе Всеволоде Петровиче Сысоеве; о писателе-фронтовике, человеке, побывавшем во всех

уголках Приамурья, художнике Владимире Ивановиче Клиппеле; об искусствоведе Валентине Гавриловне Стариковой, много лет отдавшей работе в нашем Дальневосточном художественном музее.

Тираж книжек очень мал — до 100 экземпляров, таковы уж наши технические возможности. Но мы надеемся, что когда-нибудь увидит свет сборник, составленный из этих книг. О жизни наших ветеранов, об их раздумьях, о былом и настоящем, о золотом наследии, которое они нам оставляют, должны знать ценители культуры и искусства Хабаровского края.

НАТУРЩИЦЫ

Валентина СТАРИКОВА,

искусствовед

Я надеялась, что выдержать приемные экзамены в Московский полиграфический институт по живописи и композиции мне помогут занятия у Ольги Александровны, матери моей школьной подруги Тани Айзенман, и ее советы, но экзамен по рисунку! Удача часто мне улыбалась в жизни, и здесь повезло. В разных концах зала стояли две натурщицы: Шиберт и Осипович — обе старухи. Шиберт звали по силуэту ее фигуры “бубновым тузом”, или “вегетарианской котлетой” за четыре засечки на животе. Плоская, как бы упакованная в салынный ватник, она смотрелась только в двух измерениях и могла спастись в любой позе. Я бы ее нарисовать не смогла: может, только тогда, если снять с нее этот ватник и там оказалось бы тело?

Мне досталась самая страшная, с выбитыми передними зубами и скрюченными от ревматизма пальцами, торчащими из дыр резиновых бот — Осипович. Она стояла с таким вдохновением, что нельзя было не восхищаться, как ладно, органично и пластично построено ее круто замешанное тело, в нем чувствовалось, как в капелке ртути, потенциальное движение. Она вселяла в тебя энергию, глядя на нее, собственным телом ощущаешь на себе тяжесть ее конечностей, нагрузку на спину, напряжение позы. Нарисовать вяло, плохо ее было нельзя. Я получила три пятерки и была принята.

Осипович рисовал Валентин Серов, рубил из мрамора Илья Кербель. В первые годы после революции, когда в мастерских стоял пар от дыхания и художники сидели в шубах и грели руки на углях жаровни, Осипович стояла обнаженная, не двигаясь, замерзшая и посиневшая, как чугун, и получила от художников шутовское звание “Заслуженной натурщицы Российской Федерации”. Она даже не выходила замуж, считая свою профессию самой почетной: вдохновлять художников на создание произведений искусства и быть соучастником этого процесса, разве это не высокое призвание? На ней училось не одно поколение советских художников. В методических папках, среди лучших работ учащихся школы живописи и ваяния и ВХУТЕМАСа больше всего вещей, сделанных с Осипович. Ее писал Дейнеко для своих картин. Даже в нашем музее есть холст Ильи Миненкова, изображающий Осипович. В последний раз мы встретились летом 1942 года в московском парке культуры и отдыха. С высоты в мареве дыма и пыли была видна военная Москва. Невдалеке, вокруг разбомбленного дома валялись исковерканные железные кровати, на керосинках и примусах, стоящих на табуретках, варились каша для детей, а Осипович жаждала позировать художникам. “Ну давайте

карандаш и рисуйте меня”. Она не требовала денег, ей жалко было терять время. Она не могла жить без работы, в ней был смысл ее существования.

В последние годы нашей учебы на нашем курсе появилась молодая, легкая и стройная, как пушкинская строфа, по-эллинически пластичная и грациозная натурщица Леночка. Мне ее дали для работы над

Натурщица. Рисунок Н. Фаворского.

дипломом, и я, конечно, сразу повела ее к Тане Литвиновой, дочери наркома иностранных дел. Семейство Литвиновых жило в то время в особняке банкира Рябушинского, используемого Наркоминделом для дипломатических приемов. Отделенное от улицы Спиридоновка каменной оградой и могучими тополями, выстроенное в стиле модерн, оно напоминало европейский замок. Построенное с учетом последних возможностей строительной техники, внутри здание представляло эклектическое соединение разностильных, разновременных элементов. Длинная столовая со стрельчатыми окнами от пола до самого потолка своим готическим резным обрамлением и мебелью темного дуба напоминала внутренность католического собора в особенности при звуках хоралов Баха, которые любил играть Миша Литвинов — брат Тани. В вестибюле все пугались собственного отражения в зеркальной стене. Такой нежной и жалкой казалась ваша фигура на фоне бронзового дракона в виде люстры и буддистских богов. Сюда же выходила мощная барочная лестница с широкими полированными перилами, по которым, как по ледяной горке, так удобно было скаты-

ваться со второго этажа. Врубелевский витраж на рыцарскую тему и его скульптура вносили мистическое настроение в таинственную обстановку торжественных помещений. Другие комнаты со светлыми шелковыми обоями и балдахинами над кроватями, с мебелью в стиле рококо напоминали будуар французской аристократки в канун Великой французской революции. В одной из комнат со среднеазиатскими коврами висела великолепная картина Андрея Гончарова, изображающая интерьер этой самой комнаты, как зеркало, повторяя и в чем-то преобразывая ее. Она удивительно органично вписывалась в общий облик комнаты. Но что абсолютно выпадало и было резким диссонансом ко всему окружающему, так это комната самой Тани.

“Я выбросила из нее двадцать два золоченых амурчика с часами, свезенных из музея дворянских усадеб, организованного в свое время Луначарским, — рассказывала мне Таня. — Ободрала кожаные тисненые обои, выбелила стены и потолок известкой”. И здесь же она повесила крыло “Летатлина”, которое стало душой этой комнаты. Его ей подарил сам Татлин — яркая, самобытная личность, разносторонне одаренная: талантливый художник, музыкант, фантаст, изобретатель, отец новой науки — бионики. Его воздухоплавательный аппарат “Летатлин” висел в экспозиции в музее изобразительных искусств в Итальянском дворике. Он был похож на скелет летучей мыши. А я еще в Стершевском парке познакомилась с мальчиком, присутствующем при его создании и готовившимся первым же “Летатлиным” подняться в воздух, но Татлин почему-то не решился на этот полет. Потом мой сын встретил в Крыму этого человека, ставшего уже неосознанным мечте детства.

Свет лампочки в двести ватт, болтающейся на шнуре без абажура, отбрасывал резкие тени от костей не то птицы, не то рептилии, усиливая и без того жуткое, фантастическое впечатление от огромного крыла. Оно дополняло аскетическую и убогую обстановку Таниной комнаты — мастерской с грубым мольбертом и закапанным краской полом и табуретками. Таня не любила ни в чем богатства и роскоши, она и свои личные вещи, привезенные из-за границы кофточки и шарфики меняла на хлопчатобумажные майки и косынки. Ей хотелось быть как все, но все же некоторая доля экстравагантности ей была присуща.

...Солдатик-охранник с робостью и восторгом смотрел на нашу постановку: дивную, обнаженную девушку в прозрачных тканях, стоящую на окне. Толстые, бледно-зеленые стволы деревьев тянули к ней свои хрупкие ветки с бархатистыми, как серые розы, распускающимися розетками листьев.

“Смотри, это птица взлетает...”

ПОЭТУ

Ты не садовник, не хирург.
Но на язык коротких строчек
Туманных знаков переводчик.
Владелец бесполезных рук.

Ты не страница из страниц.
Но в толще жизни
Лишь закладка.
Там между строчек не загадка,
А пища для пытливых птиц.

* * *

Не скачут кони
За сладкой волей.
Заря упала в холодном поле.
И родники
Под снегом устали биться,
А кто-то хочет
Со мной проститься.

Слова прощенья
В уме слагает.
Своим молчаньем
Меня пугает.
Летит без песни
Ночная птица,
А кто-то хочет
Со мной проститься.

Напрасно сердце
Слепое любит.
Ладонь метели
Мой лоб остудит.
Закрытой двери
Молчат петлицы,
А кто-то хочет
Со мной проститься.

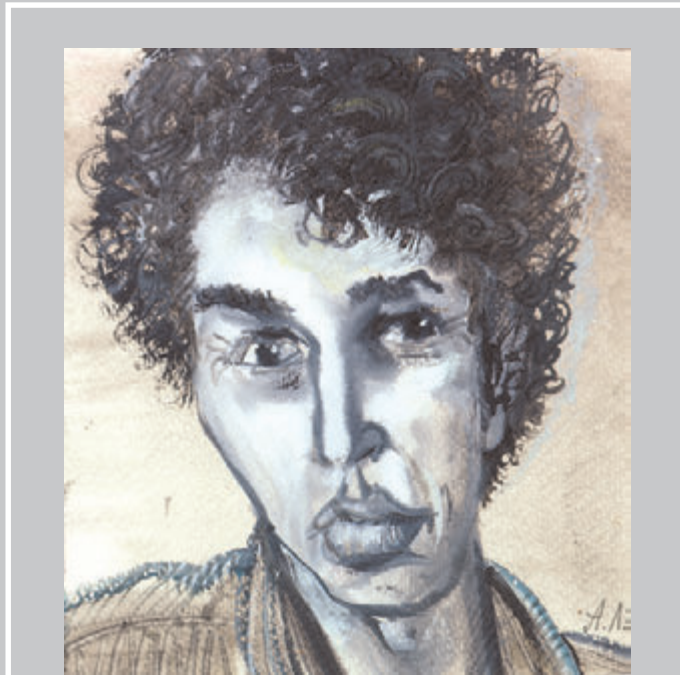
Зарю вечернюю день подарит.
Зачем жалеет?
Пускай ударит.
Уронит ночь
Голубые спицы,
А кто-то хочет
Со мной проститься.

Еще помедли
Под тяжкой ношей.
Почти готова я,
Мой хороший.
Дорога жадная
Чуть дымится.
Ты просто хочешь
Со мной проститься.

ДОЖДЬ

Дождь
Бедный родственник реке,
Что цветом — в небо.
Звуком — в камень.
Его не зачерпнешь руками,
Он — блеск на лбу и на щеке.

Дождь не подобен зеркалам
Озер от времени усталым.
Ему отмеряно так мало —
Полет с паденьем пополам.

Игорь Шабалин. Художник А. Лепетухин.

**Талант, если он не самоделка, а пожалован
свыше, напоминает неизменный рубль. Сколько
его не трать — он при тебе.**

**Игорь Шабалин — живописец от Бога. Его
холсты всегда событие. Они как яркие тропические
птицы среди довольно умеренного климата
хабаровской живописи. Кроме того, он владеет
даром слова. Его устные рассказы просятся в
книгу, его стихам тесно в записных книжках.**

**Виктор Еращенко писал о нем, что “он
поразительным образом сочетает абсолютный
профессионализм и скромность”. Еращенко имел
в виду, что Игорь Шабалин не очень-то стремится
обнародовать результаты своего поэтического
труда. Пусть это небольшая публикация доставит
удовольствие всем истинным любителям
поэтического слова. Возможно, она поможет
выходу поэтического сборника, рукопись
которого вполне готова к публикации.**

А ЛЕПЕТУХИН.

* * *

Ты отломилась, как стрела,
Оставив в теле наконечник,
Обидой горькою отмечен.
Как боль утихшая — ушла.
А может, не было стрелы?
Родился, может, с этим жалом.
Но помню, как она лежала,
И знаю силу тетивы.
Не разошлись на лбу круги.
Упал “прости”
Свинцовый камень.
Не вырвешь ловкими руками
Занозу из моей груди.
Не вырывай, судьбу ростка
Отмечу чередой зарубок.
Отравленный заздравный кубок —
Мой колокол без языка.

* * *

Птица
С усталыми глазами,
Ты своими снами
Не с нами.
Какого раннего вставанья
Неравномерного дыханья
Признанье.
Стихи зиме.
Как удастся тебе
Ходить по земле?
Птица
С усталыми глазами,
Не потушишь огонь слезами.
Ты отказалась взлететь,
Как удастся тебе не петь?

СЕКУНДА

Иероглифы ладони —
Горьких рек пустые русла.
Горячи уколы чувства,
Ставшего нелегкой долей.
Коротка была секунда,
Что глаза в глаза глядели,
Но уже скворцы свистели
На плечах у наших внуков.
Старилась земля под нами,
Возвращались птицы в гнезда.
Осыпались тяжко звезды
Переспелыми плодами.

ПТИЦА ВЗЛЕТАЮЩАЯ

Ты видел, как птица взлетает?
Она от груди отрывает
Бинты пожелтевшего снега.
Квитанцию серого неба
Усталым крылом разрывает.

Смотри, это птица взлетает.
Себя, как страницы листает.
Но как запрещенная тема
Зачеркнуто сильное тело.
Паденья ожог остывает.

Пусть выживший крышу латает.
Крыло кое-как зарастает.
Натянутся шрамы на теле
Кругами учебной мишени.
Наполнится чаша пустая.

Иди. Семь шагов отсчитаем.
Земля, накренись, отступая.
Горяч иероглиф полета,
Тверда колыбель эшафота.
Смотрите, вон птица взлетает.

* * *

С каждым прожитым годом
Расстаюсь, как с больным зубом.
Дорожу, как святым чудом,
Временной пломбой.
Молочные детские корни
Остались на дверной ручке.
Новый зуб будет самый лучший —
Белый, как снег на дерне.

Но становится год старым.
Разрушается свод эмали.
Мы коронки больниц меняли
Металлическими мостами.
Нас не баловали словами
Привыкшие к чужим стонам.
Новокаиновые вороны
Горячие капли клевали.

Жаль мне резец правый.
Не был год его травоядным.
Его вырвали мне бесплатно
В сером здании у бульвара.
И, как десятый из строя,
Самый левый был просто выбит.
Скоро буду я гладко выбрит,
Но об этом пока не стоит.

ПОЛУЗАБЫТАЯ

Несколько лет назад в мои руки попала уникальная фотография Ивана Пантелеймоновича Емельянова, сделанная, судя по всему, в 1915 году. Ее передали мне родственники хабаровского купца. История народовольца и "царе-убийцы" Емельянова, о судьбе которого было мало кому известно, заинтересовала меня, заставила начать долгие поиски сведений о нем в различных архивах.

1 марта 1881 года членами группы "Народная воля" был убит император Александр II. В числе других народовольцев был осужден и сослан на вечное поселение в Сибирь и И. П. Емельянов.

Прожив в Хабаровске около девяти лет, Иван Пантелеймонович, к тому времени значившийся здесь как "временный хабаровский 2-й гильдии купец", 24 апреля 1898 года прервал свое холостяцкое существование, женившись на двадцативосьмилетней дочери местного состоятельного мещанина Матвея Никитича Калинина — Надежде. Молодые бракосочетались в тогда еще деревянной Иннокентьевской церкви. Их свидетелями были известные в городе купцы М. П. Пьянков, Н. С. Баенкевич, А. И. Хлебников и Д. С. Желтенко.

Послереволюционный манифест Николая II от 17 октября 1905 года, породивший в России несколько партий, вызвал к жизни и кружок под названием "Товарищество "Приамурье", распорядителем дел которого впоследствии и был избран Емельянов. Приобретая в собственность типографию Минаева и арендовав в его же доме помещение под нее (сейчас здесь на улице Комсомольской, 80 остались развалины от бывшего дома писательской организации с еще чудом сохранившейся мемориальной доской о Фадееве), товарищество с 1 января 1906 года стало

СУДЬБА

Анатолий ЖУКОВ,

краевед

выпускать первую в Хабаровске частную газету "Приамурье".

К тому времени послужной список Емельянова начинает расти. 26 ноября 1905 года ему доверена честь быть председателем Совета старейшин города. Не бросая общественных дел и продолжая служить у Пьянкова, с 15 февраля 1906 года он принимает обязанности распорядителя дел промышленно-торгового товарищества "Н. Хрущев и К^о". В апреле 1907 года в Хабаровске создается отделение Технического общества, где Емельянов тоже занимает должность члена Совета.

9 марта 1910 года правлением городского Общественного банка его кандидатура была выдвинута на должность директора банка. В июне того же года он оставляет свою долголетнюю службу в торговом доме Пьянковых и с 1 июля открывает винную лавку на Инженерной улице в доме купца Малкова, где и сам снимает квартиру.

23 октября 1910 года Емельянов избирается старостой в Хабаровский биржевой комитет. В том же году он становится администратором по делам умершего китайского купца Тифонтия. В его собственность (20 декабря 1912 года) переходит бывший дом Тифонтия на улице Романовской (переименована из Инженерной 27 ноября 1912 года в связи с приближающимся трехсотлетием царского дома).

Став директором правления Акционерного общества Электроэнергии в Хабаровске, предпринимает попытку открыть совместно с купцом Лапиным кинематограф в Хохлацкой слободке.

Поражаешься его огромной работоспособности и активной общественной деятельности. А ведь за все это время он ни разу нигде не поощрялся, не имел положенных даже простому чиновнику наград за выслугу. Такова была участь ссыльного поселенца.

Скончался Иван Пантелеймонович Емельянов 27 ноября 1915 года после тяжелой болезни, по свидетельству врача городской полиции, "от заражения крови при рожистом воспалении". Погребен у Иннокентьевской церкви, и, возможно, сейчас хабаровчане, направляясь на стадион, проходят по его могиле.

Вдова Надежда Матвеевна продолжала жить в своем доме на улице, переименованной 18 июля 1917 года в Тургеневскую. В декабре 1918 года переселилась в рядом стоящий деревянный флигель (каменный дом был занят под городское училище № 11). С сентября 1919 года здесь размещалось Сибирское управление шоссейных дорог. Постановлением Дальревкома от 24 июля 1923 года здание было муниципализировано, и арендную плату за дом вдова уже не получала. В здании разместились 12-я городская школа. А в декабре 1930 года и деревянный флигель отнесли к ведомству Уссурийской железной дороги, куда вдове народовольца велено было вносить квартплату. И только в 1931 году после долгих мытарств Надежды Матвеевны власти, приняв наконец-то во внимание, что ее муж имел заслуги перед делом революции как "первомартовец", освободили её от всех налогообложений.

В связи с открытием новой 17-й средней школы (известной нам как школа им. Блюхера № 2) в феврале 1936 года 12-я школа была ликвидирована и учащиеся с учителями переведены в новую.

Долгое время в каменном здании был детский сад, а с 24 декабря 1981 года в нем открыт Литературный музей...

Таковы подробности полузабытой судьбы человека и истории мест, связанных с ним.

ВЕРНИСАЖ “АРТ-ПОДВАЛЬЧИКА” В ИНТЕРНЕТЕ

“Неупиваемая чаша” (темпера)
Константин Антипов

“Ошибка стоматолога” (белая глина)
Ирина Оркина

“Голубой эфир” (холст, масло)
Валентина Амелянчик

“Игры с шарами” (дерево)
Владимир Сызранцев

Вадим БЕЛОБОРОДОВ,
редактор странички Интернет

В сентябре прошлого года благодаря поддержке компании Рэдком была организована страничка Хабаровского отделения Российского фонда культуры во всемирной информационной сети Интернет. В ней представлены репродукции наиболее интересных произведений с выставок, непрерывной чередой проходящих в выставочном зале Творческого центра фонда — любимом многими хабаровчанами “Арт-подвальчике”. Как оказалось, нашу страничку смотрят из разных частей планеты, ее рейтинг достаточно высок. И это неудивительно. Мастерство и многожанровость наших талантливых художников притягательны для многих любителей изобразительного искусства. К моменту выпуска журнала на страничке демонстрируется более 300 репродукций. Это работы Ирины Оркиной, Валентина Зыкова, Сергея Зубова, Андрияна Жудро, Алексея Черкасова, Александра Бочарникова, Татьяны Кандаловой, Натальи Михеевой, Людмилы Покачаловой, Владимира Дюндина, Владимира Сызранцева, Олега Зинкевича, Константина Антипова, Виты Романовой, Анатолия Голобокова и других.

Попробуйте отыскать нас по адресу:

<http://www.khv.ru/Art>

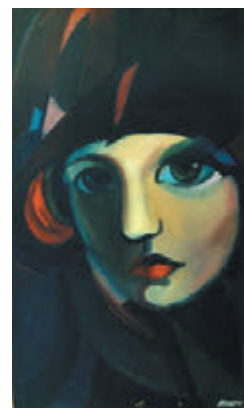
Пользуясь случаем, мы выражаем благодарность генеральному директору АО Рэдком Д. А. Ткаченко и разработчику странички С. А. Гевличу за бескорыстное содействие в осуществлении проекта.

“Серебряные ивы” (роспись по шелку)
Людмила Покачалова

“Благовещение” (флорентийская мозаика, полудрагоценные камни)
Анатолий Голобоков

“Взгляд” (холст, масло)
Андриян Жудро

“Пряха” (темпера)
Олег Зинкевич

Евгений Васильевич КОРОЛЕНКО

Портреты губернаторов выполнены специально для нашего журнала Евгением Васильевичем Короленко, заслуженным художником России. Главной темой его произведений всегда были люди. Его портреты современников, лиц, ушедших в историю, сохраняют дыхание времени. Евгений Васильевич замечательный знаток русской истории и культуры, поэтому мы ждем от мастера новых открытий на его полотнах. Живет и работает в Комсомольске-на-Амуре.

Evgeny V. KOROLENKO

The governors's portraits were painted for our magazine by Evgeny Korolenko. Evgeny V. Korolenko is Honoured Artist of Russia. The theme of people remains fundamental in his creative work. His portraits of contemporaries keep the spirit of the time. E. Korolenko is a master of Russian history and culture. He is a good artist. We wait for a new work of art. Korolenko lives and works in Komsomolsk on Amur.

Алексей ЧЕРКАСОВ

Алексей Черкасов родился в 1965 году в Южно-Сахалинске. В этом городе он закончил художественное училище. Позднее учился в Хабаровском государственном медицинском институте, стал врачом.

Художник характеризует свое искусство как "внутренний реализм". Пейзажи, которые он пишет, "обитают среди мечты". Своим искусством Алексей Черкасов помогает "преодолеть защитные барьеры сознания", сосредоточивая восприятие на внутренних чувствах, гармонии и равновесии. Полотна Черкасова изображают российский Дальний Восток в картинах природы и городских пейзажах. Узнать его искусство значит увидеть красоту востока России, туманы тайги, Амур-батюшку, а еще тихие улицы Хабаровска, его суматошные рынки. С 1992 года Черкасов участвует в различных выставках. Его работы видели любители живописи Японии, Канады, Америки. Многие коллекционеры и музеи приобрели картины этого художника.

Alexei CHERKASOV

Alexei Cherkasov characterizes his art as "inner realism" and the landscapes he paints as the "dwelling environment of dreams".

He arranges the elements of his art to help "overcome the protective barrier of consciousness" to concentrate the viewers perception of inner feelings, searching for harmony and balance.

These paintings from Cherkasov's recent works depict the Russian Far East, in natural settings and urban scenes. To know his art is to know the east of Russia, the mists of the taiga, the "Father" Amur River, the utilitarian streets, the bustling markets.

We call Cherkasov's art the new Russian Realism. Many private, corporate and government collectors already own works of this vibrant artist; we think you'll appreciate his talent, too!

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию Хабаровского края

Е. В. Короленко

**Генерал-губернаторы
Приамурского края / 2**

Мастерская творчества

Василий Романов

Поиски и находки / 4

Копилка памяти

Николай Вознюк

**Звон бубенцов почтовой
тройки на заре уходящего
века соединял нанайские
сёла / 8**

Перекрёстки культур

Елена Глебова

“Лики гармонии и надежды” / 10

Искусство Востока

Елена Солнцева

**Мир японских кукол соткан
из преданий и легенд / 24**

Страницы музыкального прошлого

Светлана Монахова

**О чём напомнил старинный
напев / 14**

Музыкальный Хабаровск

Анна Морозова

**По взмаху дирижёрской
палочки вершится
волшебство / 17**

Искра божья

Игорь Шабалин

**“Смотри, это птица
взлетает...” / 30**

Копилка памяти

Валентина Старикова

Натурщицы / 29

Наши встречи

Всеволод Сысоев

**“Печалит меня в этом мире
человек...” / 20**

Элегия родному краю

Владимир Клипель

Люди Амура / 26

Музейные редкости

Татьяна Мельникова

**Когда в альбом тебе
писали... / 22**

Театр

Анна Шавгарова

Триада / 12

Человек, который рядом

Елена Глебова

**Лесные ветры дули ей в
лицо, а путь освещали
люди-звёзды / 18**

Из личного архива

Анатолий Жуков

Полузабытая судьба / 31

Событие

Вадим Белобородов

Вернисаж

**“Арт-подвальчика”
в Интернете / 32**

